

РИЧАРД СУОН

Потрясающее
произведение
современного
фэнтези.

Р. Дж. Баркер

ПРАВОСУДИЕ КОРОЛЕЙ

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Ричард Суон

Правосудие королей

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Суон Р.

Правосудие королей / Р. Суон — «Эксмо», 2022 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-182946-9

Интриги и магия сталкиваются в этом эпическом фэнтези о сэре Конраде Вонвальте, Правосудии императора, который является детективом, судьей и палачом в одном лице. Империя Волка кипит от волнений и беспорядков. Мятежники, еретики и могущественные патриции – все они бросают вызов могуществу императорского трона. Это опасные времена для Правосудия. Только Орден магистратов стоит на пути хаоса. Сэр Конрад Вонвальт – самый страшный судья из всех, отстаивающий закон благодаря своему острому уму, магии и мастерству фехтовальщика. Когда Вонвальт вместе со своей протеже расследуют убийство, то раскрывают заговор, который тянется к самым верхам имперского общества. Ставки растут и становятся все более личными, и Вонвальт оказывается перед соблазном нарушить закон. Но стоит ли даже самая высшая цель такой жертвы? «„Правосудие королей” – это одновременно героическое фэнтези и увлекательный детектив. Мощный интеллект и магическая мощь сэра Конрада Вонвальта поражают воображение. Но благодаря Хелене, его юной протеже, сюжет начинает по-настоящему играть всеми красками. Изысканность, которую в исполнении Ричарда Суона приобретает жанр фэнтези, заставляет читателей с нетерпением ждать продолжения». – Себастьян де Кастелл, автор книги «Творец заклинаний» «Выдающийся образец современного фэнтези». – Р. Дж. Баркер, автор книги «Костяные корабли» «Книга написана так виртуозно, захватывающе и убедительно, что я едва мог оторваться от чтения. Персонажи кажутся настолько реальными, что я всерьез пережил вместе с ними весь ужас и тяжесть похмелья. А их мир – пусть нам и видна лишь малая его часть, – он видится чрезвычайно сложным, балансирующим на грани катастрофы, которую я предвкушаю». – Николас Имс, автор «Королей жути» «Завораживающий взгляд на правосудие, месть и закон с великолепными героями, убедительными и прекрасно описанными.

Блестящий дебют и фантастическое начало серии». – Джеймс Айлингтон, автор книги «Тень ушедшего» «Изумительно детализированный мир с захватывающими приключениями и уникальной перспективой». – К. С. Виллосо, автор книги «Волчица Орен-Яро» «Суон создал сильного, динамичного героя в лице Вонвальта. Это залог того, что в будущем серия станет еще лучше». – Publishers Weekly «Загадочное убийство переплетается с мрачным политическим фэнтези. Интригующе мрачная деконструкция любимых детективных тропов». – Kirkus Reviews «Мир Империи Волка богат и интересен. Читателям понравятся структура мира, сэр Конрад и его команда, а также уникальные детали, которые автор добавил в классическую фэнтезийную историю». – Booklist «Ричард Суон с его познаниями в юриспруденции и политике как нельзя лучше применил свои знания в мрачном мире темного фэнтези, где именно эти сферы и выходят на первый план. Он подвергает предрассудки, мораль и сам закон пристальному анализу, который затем и предстает на суд читателей». – Р. Р. Вирди, автор книги «Первая формула» «„Правосудие королей” мгновенно вошло в топ моих любимых книжных новинок этого года. Помимо ярких персонажей, безупречного повествования и выразительного авторского слога, в книге есть всё то, что я так люблю – тайна, военный натиск, некромантия и настолько реалистичные персонажи, что я скрепя сердце перевернул последнюю страницу. Это было по-настоящему захватывающее чтение, и я дождаться не могу продолжения». – Х. М. Лонг, автор книги «Дымный зал»

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-182946-9

© Суон Р., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

I	7
II	13
III	19
IV	30
V	44
VI	49
VII	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ричард Суон

Правосудие королей

© В. Юрасова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

I

Рилльская ведьма

«Бойся глупца, фанатика и деспота, ибо все они облачены в доспехи невежества».

Из «Сованского преступника» Катерхаузера Кодекс: Советы практикующим Правосудиям

Так странно думать, что конец Империи Волка и все те смерти и разрушения, которые он за собой повлек, уходит своими корнями к крошечной, незначительной деревеньке Рилл. Что, приближаясь к ней, мы не просто брели по холодной, дождливой местности в двадцати милях к востоку от Толсбургских Марок¹, но и подходили все ближе к Великому Упадку, который, подобно крутому, коварному склону из скользкого вулканического стекла, устремлялся из-под наших ног прямоком вниз.

Рилл. Как же описать это место? Родина наших несчастий была столь непримечательной. Уединенная деревушка, типичная для Северной Марки Толсбурга. Она состояла из двадцати глинобитных зданий с соломенными крышами, которые кольцом окружали большую центральную площадь, представлявшую собой развороченное месиво из грязи и соломы. Поместье отличалось от остальных домов только размером и было, пожалуй, лишь вдвое больше самого крупного жилища, но на этом различия заканчивались. На вид оно казалось столь же ветхим, как и остальные постройки. По одну сторону от поместья стоял трактир, а по площади хаотично шатался скот и местные крестьяне. У царившего здесь холода было одно преимущество – воняло в деревне не особенно сильно, однако Вонвальт все равно прикрыл нос платком с высушенными лепестками лаванды. Порой он бывал очень брезглив.

Казалось бы, я должна была пребывать в приподнятом настроении. Рилл стал первой деревней, на которую мы набрели с тех пор, как покинули имперский путевой форт на границе Йегланда, и с него начиналась цепочка поселений, которая вела к хаунерской крепости Моргард в пятидесяти милях к северо-востоку. Наше прибытие сюда означало, что всего через несколько недель мы снова повернем на юг и завершим восточную часть нашего маршрута – то есть нас ждала погода получше, города побольше и что-то приблизительно похожее на цивилизацию.

Однако вместо радости меня терзала тревога. Мое внимание было приковано к обширному древнему лесу, который подступал к деревне и тянулся на сотни миль к северу и западу от нас до самого побережья. Если верить слухам, которыми нас подкармливали на пути сюда, в лесу обитала старая ведьма-драэдистка.

– Думаете, она там? – спросил патре Бартоломью Клавер, ехавший рядом со мной. Клавер – один из четырех человек, составлявших наш обоз, – был священником, жрецом Немы. Он навязался нам в попутчики у границы Йегланда, якобы потому что боялся нападения бандитов. Вот только Северная Марка была печально известна своей безлюдностью, да и сам священник, по своим собственным словам, почти всюду путешествовал в одиночку.

– Кто? – спросила я.

Клавер холодно улыбнулся.

– Ведьма, – сказал он.

– Нет, – коротко ответила я. Клавер меня сильно раздражал – да и всех остальных тоже. Наши жизни, проводимые в странствиях, были и без того тяжелы, но Клавер, на протяжении

¹ Марка – средневековый термин, обозначающий приграничную область владений или государства. (Прим. перев.)

последних недель непрестанно докучавший нам расспросами о судебных практиках и особых способностях Вонвальта, утомил нас окончательно.

– А я думаю, что она там.

Я обернулась. К нам подъехал Дубайн Брессинджер – пристав Вонвальта, весело поедавший луковицу. Он подмигнул мне, когда его лошадь рысью проскакала мимо. За ним ехал наш наниматель, сэр Конрад Вонвальт, а в самом хвосте плелся ослик, дерзко нареченный Герцогом Брондским, – он тащил телегу, нагруженную нашим снаряжением.

Мы явились в Рилл по той же причине, по которой приходили и во все другие поселения: чтобы убедиться, что правосудие Императора вершится даже здесь, в далеких провинциях Сованской империи. Несмотря на все свои недостатки, сованцы твердо верили, что правосудие должно быть доступно всем; поэтому они отправляли имперских магистратов вроде Вонвальта объезжать далекие деревни и города Империи в качестве странствующих судей.

– Я ищу сэра Отмара Фроста, – услышала я голос Вонвальта, донесшийся из хвоста нашего обоза. Брессинджер уже спешил к себе местного мальчишку, чтобы тот позаботился о наших лошадях.

Один крестьянин молча указал на поместье. Вонвальт угрюмо хмыкнул и спешил. Патре Клавер и я поступили так же. Грязь под моими ногами была твердой как железо.

– Хелена, – позвал меня Вонвальт. – Книгу учета.

Я кивнула и достала книгу из телеги. Она была тяжелой, с обитой железом толстой кожаной обложкой, и закрывалась на застёжку. В нее заносились все приговоры Вонвальта и правовые вопросы, с которыми мы сталкивались. Когда пустые страницы в книге заканчивались, она отправлялась обратно в далекую Сову, в Библиотеку Закона, где секретари просматривали вынесенные приговоры и проверяли, насколько последовательно применялись законы общего права.

Я поднесла Вонвальту книгу учета, но он нетерпеливым взмахом руки приказал мне оставить ее у себя. Вчетвером мы направились к поместью. Теперь я смогла разглядеть висевший над дверью гербовый щит – на простом лазурном поле была изображена голова вепря, насаженная на сломанное копье. Не считая этого, в поместье не было ничего примечательного, и оно никак не шло в сравнение с громадными городскими усадьбами и поместными крепостями имперских аристократов в Сове.

Вонвальт гулко постучал в дверь кулаком в перчатке. Дверь быстро отворилась. В проеме показалась служанка; на вид она была на год или на два моложе меня. Она выглядела напуганной.

– Я – сэр Конрад Вонвальт, Правосудие из Ордена магистратов Империи. – Вонвальт говорил с напускным сованским акцентом. Он стыдился своего родного йегландского говора, из-за которого его могли счесть выскочкой, даже несмотря на высокое положение Правосудия.

Служанка неуклюже присела в реверансе.

– Я...

– Кто там? – донесся изнутри голос сэра Отмара Фроста. За порогом было темно, и оттуда пахло дымом и скотом. Я заметила, что Вонвальт рассеянно потянулся к своему лавандовому платку.

– Правосудие сэр Конрад Вонвальт из Ордена магистратов Империи, – снова нетерпеливо представился он.

– Пропади моя вера, – пробормотал сэр Отмар и несколько мгновений спустя возник на пороге, бесцеремонно отпихнув служанку в сторону. – Милорд, входите, входите; снаружи такая сырость, идите, согрейтесь у огня.

Мы вошли. Помещение внутри было обшарпанным. В одной стороне комнаты стояла кровать, накрытая шкурами и шерстяными одеялами, и там же лежали личные вещи, указывавшие на то, что у сэра Отмара была жена. Посреди помещения располагался открытый дровяной

камин, окруженный прожженными, грязными коврами. Ковры, вдобавок ко всему, зацвели от дождей, чьи капли залетали в дыру дымоволока. В другом конце комнаты располагались длинный стол на козлах, за которым могло поместиться десять человек, и дверь, ведущая в кухню. Стены были завешаны заплесневелыми гобеленами, выцветшими и закопченными почти до черноты, а на полу лежали толстые ковры и шкуры. У огня грелась пара больших, похожих на волков псов.

– Мне говорили, что по Толсбургским Маркам путешествует Правосудие, – сказал сэр Отмар, хлопоча. Будучи толским рыцарем и лордом, он был возведен в ранг имперской аристократии – как говорили, «принял Высшую Марку», то есть получил титул и земли за то, что сдался на милость Легионов. Однако хозяин Рилла был совсем не похож на напудренных и избалованных лордов Совы. Пожилой сэр Отмар был одет в неопрятную тунику с гербом и домотканые штаны. Его измученное лицо, обрамленное белыми волосами и белой бородой, покрывала сажа. Его лоб пересекал большой вмятый рубленый шрам, вероятно полученный двадцать пять лет назад, в молодости, когда Рейхскриг пронесся по этим землям и сованские армии покорили Толсбург. У Вонвальта и Брессинджера тоже имелись шрамы, оставленные имперской экспансией.

– В последний раз вас навещала Правосудие Августа? – спросил Вонвальт.

Сэр Отмар кивнул.

– Верно. Довольно давно. Было время, Правосудия заезжали к нам по несколько раз в год. Пожалуйста, присаживайтесь все. Не желаете еды, эля? Вина? Я как раз собирался ужинать.

– Да, благодарю, – сказал Вонвальт, садясь за стол. Мы последовали его примеру.

– Моя предшественница оставила журнал с записями? – спросил Вонвальт.

– Да, да, – ответил сэр Отмар и снова отправил служанку восвояси. Я услышала какие-то звуки – судя по всему, она полезла в сейф.

– С севера вас не тревожат?

Сэр Отмар помотал головой.

– Нет. Между нами и морем проходит узкая полоска Восточной Марки Хаунерсхайма. Десять или двадцать миль – достаточно, чтобы перехватить налетчиков. Впрочем, осмелюсь заметить, в это время года море сильно бушует, и вряд ли кто-то из северян осмелится его пересечь.

– Пожалуй, вы правы, – сказал Вонвальт. Я заметила, что он разозлился на себя за то, что запутался в здешней географии. И все же ему можно было простить эту оплошность. Империя, существовавшая уже более пятидесяти лет, вобрала в себя столько народов и столь быстро, что картографам приходилось ежегодно перерисовывать карты. – Полагаю, Моргард их тоже сдерживает, теперь, когда крепость восстановили, – прибавил он.

– Верно, уж тут Аутун постарался. Обнес крепость новой стеной, разместил новый гарнизон и шлет им столько денег и провизии, что в теплое время, когда начинаются набеги, они могут ежедневно ходить в дозор. А зимой – еженедельно, по приказу маркграфа.

Аутун. Двуглавый Волк. Было неясно, считал ли сэр Отмар это слово уничижительным или нет. Покоренные народы придумывали Сованской империи множество подобных странных прозвищ, как почтительных, так и оскорбительных. Как бы там ни было, Вонвальт пропустил это мимо ушей.

– Я о нем слышан, – заметил Вонвальт.

– О маркграфе Вестенхольце? – встрял в разговор священник Клавер. – Он хороший человек. Благочестивый. Северяне – безбожники, цепляющиеся за старый драздический образ жизни. – Он пожал плечами. – Вам не стоит скорбеть по ним, Правосудие.

Вонвальт сдержанно улыбнулся.

– Я не скорблю по мертвым налетчикам с севера, патре, – сказал он с большей сдержанностью, чем заслуживал священник. Клавер был молод, слишком молод, чтобы обладать вла-

стью, которая давалась священнослужителям. На протяжении нашего короткого совместного путешествия мы все сильно его невзлюбили. Он был фанатичен, зануден, вспыльчив и скор на осуждение. Он много говорил о своей миссии – о вербовке храмовников для южного Пограничья – и о своих влиятельных знакомых среди лордов. Брессинджер обычно отказывался с ним говорить, но Вонвальт из профессиональной учтивости несколько недель терпеливо беседовал со священником.

Сэр Отмар откашлялся. Он как раз собирался совершить ошибку и вступить в разговор с Клавером, когда на стол подали еду, и вместо этого сэр Отмар принялся за нее. Ужин был простым и сытным – тушеное мясо с жирной подливой и хлеб. Впрочем, тогда мы редко оставались голодными. Власть и полномочия, которыми обладал Вонвальт, обычно вызывали в принимавших его хозяевах желание расщедриться.

– Вы сказали, что в последний раз Правосудие проезжала здесь довольно давно? – спросил Вонвальт.

– Так и есть, – ответил сэр Отмар.

– И в это время вы прилежно исполняли постановления Империи?

Сэр Отмар энергично закивал головой, но он почти наверняка лгал. Столь далекие деревни и города, находившиеся в лучшем случае в нескольких месяцах пути от Совы, редко соблюдали имперские законы. А жаль. Рейхскриг принес гибель и горе тысячам людей, но система общего права была одним из редких алмазов, которые нашлись в той огромной куче дерьма.

– Хорошо. В таком случае, полагаю, нам здесь делать почти нечего. Разве что прочесать леса, – сказал Вонвальт. Сэр Отмар, казалось, был озадачен его последними словами. Вонвальт допил остатки своего эля. – По пути сюда, – пояснил он, – нам неоднократно говорили о ведьме, что живет в лесах к северу от Рилла. Полагаю, вы ничего об этом не знаете?

Сэр Отмар потянул время, сначала сделав большой глоток вина, а затем якобы выковыряв что-то из зубов.

– Кажется, я ничего подобного не слышал, сир. Нет.

Вонвальт задумчиво кивнул.

– Кто она?

Брессинджер выругался на грозодском языке. Сэр Отмар и я подпрыгнули на месте от испуга. Стол, тарелки и все приборы на нем подскочили, когда о него ударились три пары коленей. Содержимое кубков и высоких кружек пролилось на столешницу. Сэр Отмар схватился за сердце, выпучил глаза и задвигал губами, готовясь выдать то, что ему приказал Вонвальт.

Голос Императора – магическая способность Правосудий, позволявшая им заставлять других говорить правду. Ее возможности были ограничены: например, она не работала на других Правосудиях и волевой, бдительный человек мог ей сопротивляться. Однако сэр Отмар был стар, кроток и малознаком с методами Ордена. Голос потряс старика, как раскат грома, и вывернул его разум наизнанку.

– Она жрица... драздистка, – выдохнул сэр Отмар. На лице лорда отразился ужас, когда его губы заговорили против воли хозяина.

– Она из Рилла? – с напором спросил Вонвальт.

– Да!

– Есть ли здесь иные, кто практикует драздизм?

Сэр Отмар скорчился на стуле и ухватился руками за столешницу, чтобы найти опору.

– Многие... жители деревни!

– Сэр Конрад, – пробормотал Брессинджер. Он, чуть хмурясь, смотрел на сэра Отмара. Я заметила, что Клавер тем временем наслаждается мучениями лорда.

– Хорошо, сэр Отмар, – сказал Вонвальт. – Хорошо. Успокойтесь. Вот, выпейте эля. Я не стану больше вас допрашивать.

Мы сидели молча, пока сэр Отмар, подозвав трясущейся рукой перепуганную служанку, хрипло просил у нее еще эля. Служанка ушла и вскоре вернулась, передав ему кружку. Сэр Отмар жадно ее осушил.

– Проводить драэдические ритуалы незаконно, – заметил Вонвальт.

Сэр Отмар уставился в свою тарелку. Его лицо выражало нечто среднее между гневом, ужасом и стыдом – то есть набор чувств, обычный для тех, кто попал под власть Голоса.

– Законы новы. Религия стара, – сипло сказал он.

– Законы были приняты два с половиной десятка лет назад.

– А религия была принята две с половиной тысячи лет назад, – рявкнул сэр Отмар.

Повисла неловкая пауза.

– В Рилле есть хоть кто-нибудь, кто не практикует драэдические обряды? – спросил Вонвальт.

Сэр Отмар внимательно разглядывал содержимое своей кружки.

– Не могу знать, – буркнул он.

– Правосудие. – В голосе Клавера звучало искреннее отвращение. – По меньшей мере им придется отречься от драэдизма. Официальной религией Империи является священное Учение Немы. – Священник разве что не плевался, оглядывая старого барона с ног до головы. – Будь моя воля, они бы все были сожжены.

– Здесь живут хорошие люди, – встревожившись, сказал сэр Отмар. – Хорошие, законопослушные люди. Они обрабатывают землю и платят десятину. Мы никогда не были бременем для Аутуна.

Вонвальт раздраженно взглянул на Клавера.

– При всем уважении, сэр Отмар, если эти люди практикуют драэдические обряды, то их по определению нельзя назвать законопослушными. Как ни прискорбно это говорить, но патре Клавер прав – по крайней мере, отчасти. Им придется отречься. У вас есть список тех, кто в этом замешан?

– Нет.

Дрова дымились, трещали и искрили. Эль и вино капали на пол, протекая через щели в дощатом столе.

– Взыскание за это невелико, – сказал Вонвальт. – Небольшой штраф, по пенни с каждого человека, если они отрекутся. Будучи их сеньором, вы даже можете заплатить штраф за них. У вас есть святилище, посвященное кому-нибудь из имперских богов? Неме? Савару?

– Нет, – резко отрезал сэр Отмар. Становилось все труднее не обращать внимания на то, что сэр Отмар и сам был приверженцем драэдизма.

– Официальная религия Сованской империи – Учение Немы. Так сказано в священных писаниях, а также в законах общего и канонического права. Бросьте, ведь есть же между этими религиями и сходства. Книга Лорна по сути своей и есть драэдизм, разве нет? В ней написаны те же притчи и установлены те же священные дни. Вы без труда сможете ее принять.

Он был прав, содержание Книги Лорна действительно было на удивление схоже с верованиями драэдистов. А все потому, что Книга Лорна *была написана* по верованиям драэдистов. Сованская религия была поразительно гибкой, и вместо того чтобы вытеснять многообразные религиозные верования, с которыми она сталкивалась во время Рейхскрига, она их просто поглощала, как волна, накрывавшая собой остров. Именно поэтому Учение Немы было одновременно и наиболее распространенной, и наименее уважаемой религией в известном мире.

Я посмотрела на Клавера. Судя по выражению лица священника, он был в ужасе от предложенной Вонвальтом простой уловки. Конечно же, сам Вонвальт верил в Учение Немы ничуть не больше сэра Отмара. Как и старого барона, его заставили принять эту религию. Но он, как и большинство аристократов Империи, ходил в храм и принуждал себя выполнять обряды. Клавер же, напротив, был слишком молод и не знал иной религии. Он был истинно верующим.

От подобных людей тоже была польза, но чаще всего свойственная им непреклонность делала их опасными.

– Империя требует, чтобы вы следовали Учению Немы. Иного закон не допускает, – сказал Вонвальт.

– А если я откажусь?

Вонвальт выпрямился.

– Если вы откажетесь, то станете еретиком. Если откажетесь в *моем* присутствии, то станете признанным еретиком. Но вы не поступите столь безрассудно и бессмысленно.

– И каково же наказание для признанных еретиков? – спросил сэр Отмар, хотя знал ответ.

– Вас сожгут, – со зверским злорадством в голосе ответил ему Клавер.

– Никто никого не сожжет, – раздраженно сказал Вонвальт, – потому что здесь нет признанных еретиков. Пока что.

Я переводила взгляд с Вонвальта на сэра Отмара, сочувствуя положению последнего. Он не ошибался, говоря, что драздизм безобиден, и не ошибался, считая Учение Немы ничемным. Более того, он был стариком, которому читали нотации и грозили смертью. Но дело обстояло так, что Сованская империя правила Толсбургскими Марками. Здесь действовали их законы, и на самом деле законы эти были здоровыми и справедливыми. Почти все смирились с ними, так почему же этого не мог сделать он?

Сэр Отмар слегка обмяк.

– На кургане Габлера, в нескольких часах езды к северо-востоку отсюда, есть старая сторожевая башня. Драздисты собираются рядом с ней для поклонения. Там вы и найдете свою ведьму.

Вонвальт несколько секунд молчал. Сделал большой глоток эля. Затем осторожно поставил кружку на стол.

– Благодарю вас, – сказал он и поднялся. – Мы отправимся туда сейчас же, пока у нас еще есть час или два до темноты.

II

Языческий костер

«Тщеславные и чванливые посвященные должны искореняться из Ордена при первой же возможности. Быть Правосудием – значит терпеливо и строго блюсти закон. Рассказы о схватках на мечах и конных погонах, пусть отчасти и основанные на действительности, должны пресекаться и считаться обыкновенными слухами».

Магистр Карл Ротзингер

Через несколько минут мы снова оказались снаружи, на холоде и под дождем, дожидаясь, пока мальчишка не приведет наших лошадей. Затем в свете угасающего дня мы двинулись в путь. Я поплотнее закуталась в свой вощенный плащ, пытаясь не дать дождю промочить мою одежду, но ни Брессинджера, ни Вонвальта погода, похоже, не заботила. Клавер, съездившийся в седле, казался потрепанным и жалким, но он явно предвкушал возможность попутать местных язычников.

Несмотря на то, что сказал сэр Отмар, мы направились вовсе не к кургану Габлера. Вместо этого Вонвальт повел нас напрямик в лес, по старой охотничьей тропе, отчасти затерявшейся среди папоротников.

– Сэр Конрад? – произнесла я. Мой голос звучал смиренно и аристократично, и в тот миг я ненавидела себя за это. Несмотря на годы, проведенные в утомительных странствиях, я все же изнежилась. Куда подевалась одичалая беженка, выросшая на улицах Мулдау? Я постепенно превращалась в аристократку, которых так давно презирала.

Вонвальт обернулся. На черной бороде, которую он отращивал в холодные месяцы года, блеснули капли дождя.

– Что? – спросил он. Его конь, большой гуличский боевой дестриэ по имени Винченцо, остановился, прошлепав копытами по грязи.

– Разве курган Габлера не на северо-востоке? Мы движемся на северо-запад.

Вонвальт кивнул.

– Я знаю, – сказал он.

– Старик солгал, – сказал Брессинджер. – Отправил нас не в том направлении.

– Несомненно, чтобы заманить в засаду, – оскалился Клавер.

– О, я так не думаю, – беззлобно сказал Вонвальт. – Скорее он хотел сбить нас с пути, а не убить. Ему не хватило бы времени – и точно не хватило бы смелости – организовать нечто подобное. Нет. – Вонвальт указал на древние, покрытые мхом деревья. – Рилльская ведьма здесь, в этих лесах.

Мы двинулись дальше, в стонущий, простирающийся на сотни миль лес. Небо уже давно померкло. Я дрожала – холод лип к мокрой одежде и вытягивал из меня остатки тепла, промораживая до самых костей. Я отчаянно мечтала об огне, о тепле – или, что важнее, о свете, – и мои безмолвные молитвы были услышаны. Впереди, примерно в полумиле от нас, промелькнуло что-то оранжевое.

Вонвальт и Брессинджер ехали впереди и негромко переговаривались, так что я обратилась к Клаверу:

– Вы видели свет? – спросила я.

– Видел, – сказал он и презрительно усмехнулся. – Языческий костер. Драздистов всегда влекло к его порочному влиянию. Они пляшут вокруг него, как безумцы. Такие у них жалкие традиции.

Мы приблизились, и я смогла разглядеть людей, двигавшихся вокруг костра. Вонвальт даже не пытался скрываться или хотя бы подойти незаметно. Вместо этого он решительно поехал к ним. Теперь я видела, что у костра, горевшего посреди небольшой прогалины, кружили около пятнадцати или двадцати крестьян. Рядом с костром находился каменный алтарь, укрытый нависавшими над ним ветвями ближайшего дерева. За алтарем стояла ведьма – пожилая женщина в безыскусно сработанной деревянной маске и темных, изношенных одеяниях. Она стояла настолько неподвижно, что в первые секунды я приняла ее за статую.

– Госпожа ведьма, – обратился к ней Вонвальт. – Будьте так любезны, снимите маску.

Холодный ночной воздух пронзили крики. Язычники с потрясенными выражениями на лицах резко повернулись к нам. Ритуальные танцы, которыми они были заняты до этого, резко прекратились.

Я думала, что ведьма откажет Вонвальту, однако она подняла руки, сняла маску и осторожно положила ее на алтарь. Отчасти я ждала, что за маской будет скрываться чудовище или хотя бы некто кошмарно уродливый; однако, испытав одновременно разочарование и облегчение, я увидела, что перед нами обыкновенная пожилая женщина. Она внимательно смотрела на нас, и ее лицо ничего не выражало. И именно в этот хрупкий миг, когда все бездействовали, Клавер решил заявить о своих религиозных убеждениях.

– Вы оскверняете Учение Немы! – взорвался он. До сих пор никто особенно не обращал на священника внимания, однако теперь все взгляды были прикованы к нему.

Вонвальт резко обернулся в седле. Он был разгневан.

– Достаточно, патре! – рявкнул он.

– Правосудие Вонвальт, эти люди – еретики! – искренне недоумевая, продолжал Клавер. Однако он тут же сменил растерянность на гнев. – Оъявленные отступники! Только посмотрите на этот языческий вздор! На этот оккультный ритуал! Это же насмешка над законами Совы!

– Я и только я буду решать, что является насмешкой над законами Совы, – сказал Вонвальт. Его голос был так же холоден, как и ночной воздух. – Замолчите по-хорошему, или я прикажу Брессинджеру отвести вас обратно в Рилл. – Он снова повернулся к крестьянам и указал на костер. – Вам всем известно, что проводить драздические обряды запрещено, – сказал он. – Закон ясно об этом говорит.

– Как вы нас нашли? – спросила пожилая женщина. Ее безучастность сменилась вызывающей твердостью. Это приободрило ее паству. Я видела, как их готовность бежать преобразилась в готовность сражаться.

– Сегодня – канун месяца Госс, – сказал Вонвальт. Он указал на разрыв в облаках, где луна убыла до тонкого полумесяца.

– Мы не признаем имперский календарь, – сказала женщина.

– Тем не менее, согласно Книге Лорна, эта... – Вонвальт указал рукой на костер, – ... церемония должна проводиться в канун Госса, верно? Пламя Кулвара горит и светом своим и теплом изгоняет Плута...

– Вы называете имена лжесвятых. Святых Аутуна. Книга Лорна – всего лишь подобие Книги Дразда. Причем довольно жалкое.

– Однако ритуалы совершенно одинаковы, – заметил Вонвальт, словно рассчитывал прямо на месте обратить ее в иную веру. Он пожал плечами. – Как бы там ни было, именно так я вас и нашел.

Ситуация сложилась патовая. Пожилая ведьма не желала – не могла – сдаться и отказаться от своих верований лишь потому, что Вонвальт назвал их запрещенными. А Вонвальт, связанный клятвами и законами, был обязан предать ее суду, но и он не хотел этого делать.

– Сэр Отмар уже согласился уплатить за вас штраф, – наконец сказал Вонвальт. – Просто отрекитесь от драздизма, и я оставлю вас в покое. Никому нет нужды сегодня умирать.

– Отмар никогда бы не отрекся от своих верований, – резко сказала ведьма.

Клавера прорвало:

– Своими словами ты обрекаешь его на гибель! Он все-таки драэдист!

– Замолчите! – рявкнул Вонвальт.

– Нужно сжечь дотла всю эту деревню вместе с ее крестьянами-еретиками!

– Ради Немы, юноша, да заткнешься ты или нет?! – воскликнул Вонвальт. – Дубайн, уведи его отсюда.

– С радостью, сир, – сказал Брессинджер и развернул своего коня – крупного гнедого рысака по имени Гэрвин.

– Я исполняю волю Богини! – заорал Клавер. – Не прикасайтесь ко мне! Я прослежу, чтобы воля Немы была исполнена!

Брессинджер подъехал к священнику, выхватил у него из рук поводья и повел коня обратно по охотничьей тропе. Я отчасти ожидала, что Клавер спешится и воинственно бросится назад. Вместо этого, столкнувшись лицом к лицу с непоколебимой невозмутимостью Брессинджера, священник умолк.

Вонвальт снова повернулся к пожилой ведьме.

– Вы – жена сэра Отмара, – утвердительно сказал он.

– Леди Кэрол Фрост.

– Миледи, вам известны последствия, которые навлекуте на себя – которые я обязан навлечь на вас по закону, – если вы откажетесь отречься от драэдизма?

– Известны.

– И вы готовы обречь себя на смерть?

– Готова.

– А готовы ли вы обречь на смерть всех этих людей?

– Каждый мужчина и каждая женщина, что пришли сюда, способны сами принять за себя это решение.

Вонвальт раздраженно вздохнул. Он только собирался снова заговорить, как произошло нечто поразительное: деревянная маска оторвалась от алтаря и стала подниматься в воздух.

Я взвизгнула. Жители деревни ахнули. Маска, уродливая и безыскусная, плавно взлетела и замерла в шести футах над алтарем.

Там она и повисла, с заметной враждебностью глядя на происходящее. Отблески костра плясали на ее грубых чертах.

Все замерли. Несколько мгновений я не могла перевести дух. Старые языческие боги пришли в ярость из-за имперского вмешательства и явились сюда, на эту поляну. У меня ужасно закружилась голова. Убийцы, воры, насильники – с ними Вонвальт еще мог справиться, но противостоять разгневанным изначальным духам он был неспособен.

Вонвальт вытащил из ножен свой короткий меч. Клинок запел в ночном воздухе. Леди Фрост закричала – как бы ни была крепка ее воля и вера в старых богов, даже она не могла побороть страх перед холодным блеском стали.

В тот же миг ближайшие крестьяне – трое крепких мужиков – бросились вперед и закричали что-то неразборчивое на древнем драэдическом языке. Они отчаянно потянулись к Вонвальту, пытаясь схватить его за ногу и стащить с коня.

– Назад, чтоб вас! – сказал Вонвальт, без гнева, а скорее раздраженно. Винченцо встал на дыбы и забил передними ногами. Копыто большого черного дестриэ врезалось одному драэдисту прямо в грудь. Удар был таким сильным, что проломил крестьянину грудину и отшвырнул его назад. Второй язычник лишился левой руки ниже локтя, попав под меч Вонвальта. Идиот закричал, выпучив глаза, и упал на спину, прижимая к себе кровоточащий обрубок.

Третий драэдист как раз задумался, а не стоит ли ему отказаться от столь опрометчивого курса действий, когда конь Брессинджера врезался в него сбоку. Драэдист упал промеж копыт животного, оглушенный, побитый, но живой.

– *Прекратите немедленно!* – прогремел Вонвальт. На этот раз в его крик прокралось эхо Голоса Императора, и возня тут же прекратилась. Леди Фрост осталась у алтаря. Три крестьянина, напавшие на Вонвальта, лежали на земле, стелая и всхлипывая. Брессинджер уже спешился и по-своему – грубо и без капли сочувствия – помогал тому, кто потерял руку. Другие драэдисты в ужасе толпились рядом. В стороне я увидела и патре Клавера, наблюдавшего за суматохой с того места, где его оставил Брессинджер. Через какое-то время священник отвернулся и направился в сторону Рилла. Как бы мне хотелось сказать, что тогда мы видели его в последний раз.

Вонвальт с недовольным видом оглядывал поляну. Наконец он легонько подтолкнул Винченто и, подъехав к алтарю, остановился рядом. Затем его клинок описал дугу, рассекая воздух. Маска упала, со стуком отскочила от каменного алтаря и неуклюже плюхнулась в грязь.

– Нить, – сказал Вонвальт. – Черная нить, привязанная к сокрытому блоку. – Он равнодушно убрал меч в ножны.

Чары рассеялись. Какие бы дальнейшие проделки ни затевали местные жители в своем религиозном порыве, они были развеяны вместе с обманом.

Леди Фрост выглядела несчастной. Она начала плакать. Но я не испытывала к ней сочувствия. Этот спектакль, который она хотела разыграть позднее, во время празднества, был дурной затеей.

– Сейчас же возвращайтесь по домам, – сказал сэр Вонвальт язычникам. – Утром каждый из вас подойдет ко мне и отречется, или, клянусь богами, вам всем светит виселица.

Крестьяне, разве что не спотыкаясь, разбежались и исчезли в холодных, темных лесах.

– Дубайн, как он? – спросил Вонвальт у Брессинджера.

Брессинджер пожал плечами.

– Будет жить, если найдется толковый хирург.

Вонвальт посмотрел на леди Кэрол.

– Вы позаботитесь об этом человеке, – сказал он. – Если он умрет, вы будете держать ответ передо мной.

Она кивнула, переводя взгляд с безрукого язычника на Вонвальта и обратно.

Вонвальт вздохнул, покачал головой и потянул за поводья Винченто, чтобы тот развернулся ко мне. Затем он рассеянно похлопал коня по шее.

– Хелена, возвращаемся в Рилл, – негромко сказал он. – Я хочу подготовиться к завтрашнему суду. День предстоит хлопотный.

* * *

Следующим утром мы встали рано. На улице снова было холодно и пасмурно, и я гадала, касалось ли солнце Рилла хоть когда-нибудь.

Мы выгрузили из телеги Герцога Брондского все, что нужно: книги учета, своды законов, перья и чернила, чистый пергамент, складной стол на козлах, кожаное кресло Вонвальта с откидной спинкой, свежий воск и штемпели, щит с гербом Сованской империи, прикрепленный к пятифутовому шесту, и различные грамоты, подтверждавшие полномочия Вонвальта, которые люди имели право потребовать и проверить.

Деревня медленно просыпалась вместе с восходящим солнцем, и холодный воздух наполнился запахами готовящейся на огне еды. Для большинства крестьян завтрак состоял из кружки эля и жирной каши с кусочками того, что оказалось под рукой, хотя из поместья

Фростов доносился отчетливый запах жареного бекона. Вонвальт, Брессинджер и я съели несколько холодных, черствых кусков пирога в трактире, и мой живот уже снова урчал.

– Значит, наш приятель священник уже уехал? – спросил Вонвальт, усевшись в свое кресло. Я примостилась на небольшом стуле рядом с ним. Будучи его секретарем, я должна была записывать все, что говорилось во время слушаний.

– Да, – ответил Брессинджер, стоявший по правую руку от Вонвальта. – Еще ночью, хотя перед отъездом он не преминул высказать мне все, что думал.

– Спасибо, что не стал меня будить.

– Он остался недоволен тем, как вы решили вопрос с драэдистами.

– Это решать не ему, и его недовольство не имеет значения.

Брессинджер с укором посмотрел на Вонвальта.

– Он проявил неестественно живой интерес к этому делу.

– Он проявлял неестественно живой интерес ко всем моим делам с тех пор, как присоединился к нам. Я рад, что мы от него избавились. Я сожалею лишь о том, что он не покинул нас раньше. Он явно вполне способен путешествовать в одиночку.

– И вы не сочли это странным? – спросил Брессинджер.

– Конечно же, счел. Но этот человек и сам странен. – Вонвальт пожал плечами. – Полагаю, теперь он доберется до Моргарда раньше нас. Будет докучать маркграфу и его войнам, убеждая их расстаться со своими жизнями на Приграничье.

– Полагаю, что так и будет.

– Он глупец, Дубайн. Выбрось его из головы.

– Опасный глупец.

– Да уж.

– У которого, если верить ему же, есть могущественные друзья.

– Если ему верить, – сказал Вонвальт. Он хотел сказать больше, но тогда к столу приблизился наш первый ответчик за тот день – крестьянин средних лет, одетый в грубую домо-тканую одежду и шерстяную шапочку. Неуверенно шаркая ногами, он подошел к Вонвальту. Наше временное судилище производило на него гнетущее впечатление, хотя мне оно казалось довольно убогим.

– Я, эм-м... – начал он, а затем поспешно стянул с головы шапочку. – Если позволите, милорд, я бы, хм, хотел... – Он наклонился поближе. Вонвальт с безграничным терпением – все-таки сейчас он был при исполнении – благосклонно подался ему навстречу. – Я бы хотел, э-э-э, отречься?

Вонвальт важно кивнул.

– Я принимаю отречение. – Он открыл одну из толстых учетных книг и начал писать. Он спросил и записал имя человека и род его занятий. На полях он вывел сумму штрафа, который составил один пенни и который Вонвальт собирался взять с сэра Отмара. – Есть ли у вас какие-либо прошения к Императору?

Мужчина энергично помотал головой.

– Нет, милорд, никаких.

Вонвальт снова кивнул.

– Тогда на этом все.

С остальными жителями деревни все проходило примерно так же. Один за другим те, кого мы видели в лесу, и другие крестьяне подходили и тихо отрекались. Других дел в тот день мы не разбирали. Обычно нам приходилось сталкиваться с самыми разными преступлениями, особенно учитывая то, что в последний раз имперский Правосудие заглядывал в эти места несколько лет назад. Разбираться приходилось с кражами и драками – они случались постоянно, – а также и с более серьезными преступлениями: убийствами, изнасилованиями,

государственной изменой. Но в тот морозный серый день в Рилле звучали лишь тихие отречения от языческой веры.

Когда подошло время обеда, Вонвальт закрыл учетные книги и отправил меня в трактир принести ему и Брессинджеру немного хлеба, сыра и эля. Когда я вернулась, то с удивлением увидела лорда и леди Фрост, стоявших перед столом. Сэр Отмар держал в руке кошель с монетами. Я поспешила подойти и успела услышать последнее обвинение, которое решил выдвинуть против них Вонвальт: подстрекательство к ереси.

– В этом мы невиновны, – с презрительной усмешкой, свойственной всем, даже самым мелким аристократам, сказала леди Фрост. – Мы оплатим штраф, но лишь для того, чтобы защитить наших людей.

Я села на свой стул и стала спешно записывать сказанное.

Вонвальт забрал кошель из рук сэра Отмара и передал его Брессинджеру, который начал считать монеты.

– Я сделаю пометку для следующего Правосудия, который окажется в Рилле, что он должен увидеть здесь святилище Немы. Где-нибудь *на видном месте*, – строго сказал Вонвальт.

– И как же прикажете нам его сделать?

Вонвальт кивком указал в сторону леса.

– В ваших лесах водится полно оленей. Пошлите сегодня туда охотника. Сохраните череп. Пусть жрец его освятит. Затем соорудите алтарь в имперском стиле. Все очень просто.

Брессинджер закончил считать монеты.

– Здесь без гроута пять марок, – негромко сказал он.

Вонвальт посмотрел на Фростов. Повисла долгая тишина.

– Вы должны уплатить один пенни за каждого еретика, – сказал он. – Или вы желаете, чтобы я прибавил к обвинениям попытку подкупа?

Сэр Отмар, покраснев, выхватил у Брессинджера горсть лишних монет. Его жена резко отвесила ему подзатыльник.

– Дурень, – пробормотала она и зашагала прочь.

Когда она отошла подальше, а верная сумма штрафа была уплачена и перекочевала в наш сундучок, Вонвальт обратился к сэру Отмару:

– Сэр Отмар, мне хочется думать, что я справедливый человек. Империя предоставляет мне значительную свободу действий в решении подобных вопросов. – Он помедлил, подбирая слова. – Надеюсь, вы понимаете, что все могло обернуться совершенно иначе. Другой Правосудие, в другой день... – Он позволил словам повиснуть в воздухе. Сэр Отмар, которому явно не доставало бойкости его жены, смиренно кивнул.

– Я понимаю, милорд. Я перед вами в долгу.

Вонвальт отмахнулся от него.

– Я не дурак, сэр Отмар. Я прекрасно осознаю, что случится, когда я покину это место. И вот что я вам скажу: будьте осторожнее.

– Благодарю за прямоту, милорд, – сказал сэр Отмар и поклонился.

Мы молча смотрели ему вслед. Затем, когда стало ясно, что на сегодня дела закончены, Вонвальт закрыл книгу учета.

– Нехорошее у меня предчувствие насчет этой деревни, – сказал он и поднялся. – Совсем нехорошее.

III

Долина Гейл

«Вынося решение по делу убийства, необходимо удостовериться в справедливости обвинения, прежде чем приговор – смертная казнь – будет приведен в исполнение. Отнять жизнь – тяжкое преступление, но отнять вторую в расплату за первую – тяжкое вдвойне».

Из «Сованского преступника» Катерхаузера Кодекс: Советы практикующим Правосудиям

Всадник нашел нас в нескольких милях от Долины Гейл, большого процветающего торгового города в Южной Марке Хаунерсхайма – то есть в провинции, находившейся к юго-востоку от моего родного Толсбурга. Рилл был уже далеким воспоминанием, оставшимся в нескольких сотнях миль, двух десятках небольших городков и полутора месяцах пути позади нас.

Воздух здесь был холоднее и суше, чем в тени Толсбургских Марок, и в нем кружились хлопья снега. Брессинджер пытался приподнять наше настроение старой йегландской народной песней, которую наверняка слышал от Вонвальта, но я не могла подпевать ему, потому что не понимала слов – песня была не на старом саксанском, всеобщем наречии Империи, и не на толском, моем родном языке. Вонвальт же не подпевал, потому что в столь долгих путешествиях он предпочитал хранить молчание. Он ехал во главе нашего обоза, сгорбившись в седле.

Всадник был молодым юношей из городской стражи, мускулистым и полным самолюбивого нахальства. Мне сразу же стало неловко за мой потрепанный внешний вид – ссутуленная, я куталась в свой воощеный плащ, и от меня разило, как от Герцога Брондского. Однако мне не стоило переживать – юноша посмотрел на меня лишь мельком и больше не обращал внимания.

– Лорд Саутер говорил, что по Хаунерской дороге едет Правосудие, – обратился он к Вонвальту. На стражнике был хауберк с кольчужным капюшоном, обрамлявшим его румяное от мороза лицо, а голову венчал шлем с полями. Его сюрко был синего цвета с горчично-желтым крестом и вышитым гербом Долины Гейл.

– Правосудие сэр Конрад Вонвальт, – представился Вонвальт, выпрямившись в седле. – Это – мой пристав, Дубайн Брессинджер, и мой секретарь, Хелена Седанка.

Стражник поприветствовал нас, коснувшись шлема. Он выглядел встревоженным.

– Сэры. Мисс. – Мое сердце затрепетало, когда он на миг встретился со мной взглядом. – Вы приехали вовремя. Меньше двух дней назад произошло убийство. Убита жена лорда Бауэра. Половина города в ярости и стоит на ушах.

– А вторая половина? – негромко сказал мне Брессинджер.

– Помолчи, – рыкнул Вонвальт. Он снова повернулся к юноше. – Редкий случай, чтобы убитой была жена лорда.

– В Долине это неслыханное дело, сир. Ума не приложить, кто и зачем это сделал.

– Значит, убийца не лорд Бауэр? – спросил Вонвальт. Вопрос был резонным. Обычно виновными оказывались мужья.

– Насколько я знаю, он не под подозрением.

– Ясно, – сказал Вонвальт, потирая подбородок. – Странно.

– Да, сир, так и есть. Когда с Вельделинских ворот заметили ваш обоз, лорд Саутер приказал мне как можно скорее сопроводить вас в город.

Вонвальт повернулся ко мне и окинул взглядом то жалкое, заросшее грязью зрелище, которое я из себя представляла. Герцог Брондский, стоявший позади меня, фыркнул и, дрожа от холода, издал громкое «иа».

– Я поеду с вами вперед, – сказал Вонвальт стражнику, затем повернулся к Брессинджеру. – Дубайн, отведи Хелену в город. Проследи, чтобы лошадей поставили в стойло, и найди нам место, где можно переночевать.

– Конечно, сир.

– Где сейчас тело леди Бауэр? – спросил Вонвальт юношу.

– В доме врача, мистера Макуиринка. Он занимается официальными медицинскими вопросами.

– Первым делом мне нужно осмотреть тело, пока оно не прогнило настолько, что будет невозможно что-либо выяснить.

– Как вам угодно.

Они поспешили вперед, погнав лошадей галопом. Я смотрела им вслед. Брессинджер развернул своего коня и подъехал ближе. Должно быть, он прочел мои мысли, потому что сказал:

– Такой мальчишка тебе не подходит, Хелена.

Я покраснела.

– О чем ты? – возмущенно спросила я.

Брессинджер ехидно улыбнулся.

– Нам лучше поспешить, пока погода не испортилась. Помнишь, я учил тебя читать по облакам?

Я кивком указала на скопление низких, темных туч на востоке.

– Снег будет, – надувшись, сказала я.

– Вот и поехали поскорее. И на этот раз подпевай мне.

– Я не знаю йегландского, – сказала я.

Брессинджер выдержал паузу, нарочно приняв такой театрально-возмущенный вид, что я не выдержала и рассмеялась.

– Клянусь кровью Немы, Хелена, ты глуха, как тетерев. Песня была не на йегландском, а на грозодском. Надеюсь, ты не путаешь мою родину с родиной нашего уважаемого господина.

– Нет, – сдавленно хихикая, сказала я. – Забудешь тут, с таким манерным имечком, как Дубайн. – Я нарочно произнесла его имя так, как это делал Вонвальт – Ду-*бан*, – а не как все, кто жил за пределами Грозоды, родины Брессинджера – Ду-*байн*.

– Я тебе язык отрежу, если не будешь за ним следить, – пригрозил он мне. – А теперь слушай внимательно, или следующие несколько часов будут тянуться слишком долго.

* * *

В город мы прибыли в середине дня, войдя в него через Вельделинские ворота, обращенные к южному подступу. Долина Гейл принадлежала Хаунерсхайму, хотя и Толсбург, и Гулич на протяжении всей бурной истории города пытались присоединить его к себе. Место это во многом было результатом своего положения, как географического, так и политического. В конце концов, соседним Гуличем владел князь Гордан Кжосич, третий сын Императора, и всякий крупный город, находившийся в непосредственной близости от любого члена императорской семьи, неизменно становился одновременно крепостью и временным дворцом.

Сам город – большой, окруженный крепостной стеной – был возведен на склонах Толсбургских Марок и делился на две части рекой Гейл. Земли окружавших его предгорий – вытянутых невысоких зеленых холмов – были плодородными и хорошо возделанными. На них росло достаточно капусты, гороха, бобов, лука и картошки, чтобы город мог не только кормиться сам, но и прибыльно торговать излишками. Впрочем, вовсе не земледелие стало источником богатства этого места. Река Гейл была широкой и глубокой, и корабли могли дойти по ней до самой Совы, хотя и заложив по пути небольшой крюк. Из-за этого Долина Гейл

превратилась в крупный торговый узел, и на одних лишь торговых пошлинах город зарабатывал столько, что мог позволить себе приличную городскую стражу, хорошо уложенные и патрулируемые дороги, большой храм Богини-Матери Немы (который когда-то был храмом Ирокса, языческого бога, принимавшего облик быка) и впечатляющий, смахивающий на крепость монастырь, занимавший видное место чуть дальше, на вершине холма.

Улицы были заполнены торговцами, ремесленниками, стражниками, простолюдинами, лордами и их женами. Мы пробирались через толпу, оставаясь неузнанными, хотя и выделялись, сидя верхом на лошадях. Я заметила, что большая часть улиц была вымощена булыжником и вдоль них шли закрытые сточные канавы – одно из лучших инженерных решений, которое было перенято у сованцев и еще не добралось до окраинных земель Империи. Впрочем, грязи все равно было много. К счастью, как и в Рилле, из-за холода запахи казались не столь резкими, хотя воздух все равно полнился знакомым смрадом гари, мочи, отбросов и дерьма.

Дома в городе были самые разные – от небольших мазанок с соломенными крышами до внушительных городских усадеб из кирпича и древесины. Храмы, которых здесь имелось несколько дюжин, были сложены из больших блоков пожелтевшего камня. За многие годы дым закоптил их стены, украшенные фестонами с грубо вырезанными идолами. У ступеней храмов были рассыпаны цветы и различные безделушки, почти все втоптанное в грязь. Выли, сотрясая холодный воздух, попрошайки, которым отказали как в милостыне, так и в крове.

Благодаря своему высокому положению Вонвальт имел право остановиться в доме наиболее влиятельного члена городского совета. Обычно это был мэр или местный мировой судья, но нередко им оказывался самый сановитый священник города, или какой-нибудь другой лорд, или рыцарь. Не имея особых распоряжений насчет того, где мы должны остановиться на ночь, Брессинджер решил направиться к резиденции мэра Саутера, которая, как оказалось, представляла собой огромный кирпичный дом с красивыми деревянными фахверками.

– Думаю, сойдет, – угрюмо сказал Брессинджер, когда мы подъехали и остановили лошадей у железных ворот резиденции. Мы спешили, и он подошел к стражнику, дежурившему у входа.

– Да? – в свойственной служивым людям манере сказал тот. На нем были такие же доспехи и сюрко, как и на других городских стражниках.

– Я – Дубайн Брессинджер, – сказал пристав. – А это Хелена Седанка. Мы – слуги и спутники Правосудия сэра Конрада Вонвальта. – Брессинджер показал стражнику свою имперскую печать.

– А, конечно, сир, – поклонившись, сказал стражник. – Нас предупреждали, что вы приедете. Я скажу мальчишке, чтобы отвел ваших лошадей и мула в стойло. Вы хорошо сюда добрались?

– Вполне, благодарю. Мы ищем дом городского врача, – сказал Брессинджер.

– У нас их несколько, но, подозреваю, вам нужен мистер Макуиринк, – сказал стражник и указал в ту сторону, откуда мы приехали. – Он на Аптекарской улице. Пройдите два перекрестка и сверните направо. Там сразу же увидите вывеску.

– Благодарю, – сказал Брессинджер. Вышел конюх – замызганный мальчишка, от которого разило конским навозом, – и начал уводить наших животных.

– Лорд Саутер приказал, чтобы вас по прибытии накормили, – неуверенно крикнул стражник нам вслед. – Вы не возьмете еды или вина?

– Позже, благодарю, – сказал Брессинджер. Я пала духом. В моем желудке было пусто, как в ограбленном амбаре.

– Как пожелаете, – кивнув, сказал стражник, и мы, передвигая затекшими от верховой езды ногами, пошли искать Вонвальта.

* * *

Врач вел свое безбедное существование на Аптекарской улице, окруженный другими учеными медиками, хирургами-цирюльниками и астрономами. Дорога здесь тоже была вымощена булыжником и не так изрезана колеей, как торговые улицы, отходившие от рыночной площади. Дом мистера Макуиринка был отмечен большой деревянной вывеской с голубой звездой – так в Империи обычно обозначалось жилище врача, допущенного к практике. Брессинджер вошел в переднюю, где в воздухе висел тяжелый запах крови и мертвечины. На задний двор дома выходили матовые окна, за которыми раздавалось чавканье диких свиней, копошившихся в отходах врача.

– Дубайн? – донесся откуда-то снизу голос Вонвальта. Мы оба посмотрели направо и увидели лестницу, спускавшуюся в недра дома.

– Сир, – громко ответил ему Брессинджер.

– Спускайся вниз.

Мы повиновались и оказались в большом зале, растянувшемся на всю длину дома. Здесь в ряд стояли запачканные столы на козлах, и еще несколько таких же были придвинуты к стене. Свечи – восковые, а не из топленого жира, – горели, источая травянистый запах, который ничуть не скрывал смрада разложения. Вонвальт и врач стояли в дальнем конце комнаты рядом с единственным занятым столом, и Вонвальт прижимал к носу лавандовый платок.

– Мистер Макуиринк как раз рассказывал, как нашли тело, – сказал Вонвальт, когда мы подошли.

– Да, что ж, сын Тома Бевитта нашел ее у врат Сегамунда, там, где река вытекает из города. Она зацепилась за корень в воде, – сказал врач. Старик был сутулым, седовласым и усадым. Казалось, что забота о других вытянула из него все жизненные силы. Тощий, похожий на нищего, он совсем не походил на пухлых аптекарей, которых я видела прежде. – Чудо, что ее вообще нашли, – подводное течение очень мощное. То, что попадает в Гейл, редко находится снова.

– Кому мальчик сообщил об этом? – спросил Вонвальт.

– А никому сообщать и не пришлось. На его вопли сбежалась половина восточной части города. Стражники выловили ее из воды. Принесли сюда.

– И больше к телу никто не прикасался?

– Никто, милорд. Кроме меня, конечно же, и то лишь для того, чтобы ее уложить. – Врач махнул рукой. – И посмотреть на рану.

Побуждаемая нездоровым любопытством, я посмотрела туда, куда указывал врач. Впрочем, вид мертвецов меня особенно не тревожил; все-таки я была сиротой Рейхскрига, хорошо знакомой со смертью. Толсбург стал сованской провинцией еще до моего рождения, однако последствия войны – нехватка еды, борьба за власть и последние восстания – стали сходить на нет, лишь когда мне было лет десять. Только тогда жизнь пришла в некое подобие нормы. В те ранние годы моей жизни люди часто сражались и гибли, причем не только в Толсбурге. Теперь мне было уже почти два десятка, и за это время три большие страны – королевство Венланд и герцогства Денхольц и Ковоск – покорились сованским Легионам. Помимо них в Империю входили родина Вонвальта, Йегланд, лежавшая к западу от Толсбурга, и родина Брессинджера, Грозода, находившаяся на юге. Империя поглотила их тридцать лет назад, когда Вонвальт и Брессинджер были еще юношами. Исконно сованскими же землями были Сова, княжество Кжосич, Эстре и Гулич. Объединив все эти земли, Империя стала больше, чем когда-либо, и насчитывала почти сто миллионов подданных, живших под бдительным присмотром Двуглавого Волка.

Женщина на столе выглядела примерно лет на сорок; мертвенно-серая, она была одета в зеленое платье с дорогой золотистой парчовой оторочкой. Вода, из которой ее выловили, не пощадила останки, но даже мой нетренированный глаз видел, что умерла она не потому, что утонула.

– Сильный был удар, – заметил Брессинджер, – и били не лезвием и не ребром.

– Вы хорошо разбираетесь в трупах, – сказал врач. Я заметила, как Брессинджер и Вонвальт мельком переглянулись.

– Да уж, – мрачно сказал Вонвальт.

Несколько секунд мы все стояли молча.

– Кто шериф этого города? – спросил Вонвальт.

– Сэр Радомир Дражич, – сказал врач.

– Ему сообщили об убийстве? – спросил Вонвальт.

– Конечно, – сказал врач. – Вся Долина об этом знает. Лорд Бауэр – известный человек, и его жену в городе любили.

– А лорда Бауэра?

Врач заколебался.

– Он известный человек, – подтвердил он.

– А что говорят о шерифе?

– Что он хороший страж закона, но вы не найдете менее приветливого человека, и еще он закоренелый пропойца.

– Я еще не встречал хорошего стража закона, который бы им не был, – заметил Вонвальт, подступив ближе к убитой. Я заметила, что он старается не подходить совсем близко, чтобы не подхватить оспу. Губительные испарения нередко разлетались от трупов, как дым от костра.

– Один-единственный удар в висок, – пробормотал он. – Нанесенный со значительной силой.

– Да, милорд, – сказал врач. – Этот удар наверняка ее и убил. Посмотрите, как разошлась кожа, и череп проломлен. Удар нанесли дубиной или каким-то другим тупым оружием, причем сильной рукой.

– Почему вы решили, что его нанесли не клинком? – спросил Вонвальт. На этот вопрос он наверняка и сам знал ответ. Он просто проверял старого врача.

Мистер Макуиринк указал пальцем на рану.

– Меч или топор прорубил бы и кожу, и кость черепа, отчего на нем осталась бы ровная зарубка. Здесь же ее словно ударили куском гранита. Посмотрите на рисунок трещин в кости и на кожу – она разорвана, а не рассечена.

– У вас большой опыт с подобными ранами?

– Вы вряд ли найдете в Долине Гейл хоть одного ученого медика, которому бы не доводилось иметь дело с подобным. Спасибо за это Рейхскригу.

Вонвальт кивнул. Мы все стояли и смотрели на труп, словно могли заставить его выдать свои секреты, если бы посверлили взглядами подольше. Однако было ясно, что больше мы ничего здесь не узнаем. Леди Бауэр нанесли страшный удар, от которого она, скорее всего, скончалась на месте. Вонвальт был самым старшим представителем закона Империи в городе, и потому, согласно сованскому Закону Старшинства, он имел право провести расследование, а затем и суд.

– Вы нашли еще что-нибудь примечательное, пока осматривали тело? – негромко спросил Вонвальт.

– Ничего, милорд, – ответил врач. Он снова указал на рану. – *Ve sama horivic*.

«Все так, как вы видите». Слова были произнесены на высоком саксанском, языке правящих классов, но фраза была достаточно расхожей и не нуждалась в переводе.

– Значит, убийство, – сказал Вонвальт.

– Да, – негромко отозвался стоявший рядом Брессинджер.

Мистер Макуиринк взволнованно посмотрел на Вонвальта. Когда он заговорил, его голос был пропитан тревогой:

– Вы примените к ней... свою силу? Я слышал, что некоторые магистраты Империи могут разговаривать с мертвыми.

Вонвальт посмотрел на тело. Затем мягко покачал головой.

– Нет, – сказал он, с грустью окинув леди Бауэр взглядом. – Тело слишком сильно разложилось. Она умерла слишком давно. – Вонвальт помедлил, раздумывая. – Отойдите, – пробормотал он, и все поспешили подчиниться. Вонвальт протянул руку, растопырив пальцы, и указал ладонью на голову леди Бауэр. Его лицо приобрело чуть болезненное выражение, пока он оценивал шансы на успешный сеанс. Через несколько секунд он уронил руку. – Нет. Нет, я даже не стану пытаться.

– Кто знает, что за твари уже успели вонзить в нее свои когти, – пробормотал Брессинджер.

Вонвальт сурово посмотрел на него.

– Следи за языком. О таких вещах не болтают попусту.

Мистер Макуиринк и я беспокойно переглянулись. Прежде чем кто-либо успел сказать что-то еще, Вонвальт заговорил.

– Благодарю вас, мистер Макуиринк, – сказал он и отступил на несколько шагов. – Мы закончили. Вы можете готовить тело к освящению и погребению.

– Хорошо, милорд.

– Вы будете писать отчет? Чтобы зафиксировать свои наблюдения.

– Да, милорд.

– Очень хорошо. Дубайн, где мы остановились?

– У мэра, сир.

Вонвальт снова повернулся к врачу.

– Отправьте ваш отчет мне туда.

– Как пожелаете.

Вонвальт в последний раз посмотрел на тело. Помедлил.

– Что ж, ладно. Мы вас оставим.

Мы покинули жилище врача и вышли на Аптекарскую улицу. За то время, что мы провели внутри, небо затянуло облака, словно наше подавленное настроение притянуло их к нам. Они образовали низкий серый потолок, окутав город мрачными сумерками.

– Я желаю встретиться с сэром Радомиром, – сказал Вонвальт, глядя на облака. Затем он неубедительно прибавил: – До темноты еще полно времени.

– Полагаю, он в здании городской стражи, – сказал Брессинджер. – Мы прошли его по пути сюда, оно рядом с Вельделинскими воротами.

– Я помню, – сказал Вонвальт, рассеянно кивая. – Значит, нам в эту сторону. Хелена, не отставай!

Вонвальт ходил быстро. Такая у него была привычка. Учитывая, какими способностями и какой властью он обладал, как себя держал и какие знаки отличия носил, сэр Конрад, как правило, привлекал много внимания. Подданные императора были суеверны, и за нами, куда бы мы ни пошли, почти всегда увязывались последователи. Некоторые жаждали правосудия – такого, какое Вонвальт не мог свершить; другие хотели, чтобы он с помощью своих сил позволил им поговорить с близкими, которых они потеряли. Кого-то он просто пленил одним своим видом. От Вонвальта исходило нечто потустороннее, и некоторые люди поддавались этому сильнее других. Они сбивались в разношерстную толпу, которая следовала за нами, как маркитанты за армией. Обычно они держались в двадцати-тридцати шагах за нами и брели следом, кто-то с трепетом, а кто-то будто зачарованно. Проведи мы в доме еще какое-то время, то

нашли бы на пороге различные безделушки, оставленные в качестве подношений: цветы, свечи, статуэтки идиолов. Вонвальт уже давно привык к этому; я даже сомневалась, что он вообще их замечал. А меня и спустя два года это все еще приводило в замешательство.

Нам повезло, что Долина Гейл была торговым городом и ее лорды и состоятельные торговцы ходили по улицам, демонстрируя все свое богатство. Благодаря этому Вонвальт выделялся не так сильно, как обычно. Тем не менее шли мы быстро и решительно.

Здание городской стражи находилось в южной части города. Долина Гейл, как и большинство городов Империи, традиционно делилась на районы по гильдиям. Здание стражи располагалось в районе, посвященном поддержанию правопорядка, а это означало, что оно стояло на одной улице со зданием суда и городской тюрьмой. Здание стражи было двухэтажным, с фахверками из темного дерева и чрезмерным количеством решетчатых окон на фасаде. Пара больших труб изрыгала в ледяной воздух черный дым. Перед зданием располагался острог, который пустовал благодаря амнистии в честь праздника Зимних Холодов.

Мы миновали худощавого, измученного на вид стражника и вошли внутрь. Вонвальт сразу же решительно направился к столу дежурного, заставив скучавшего за ним сержанта вздрогнуть и выпрямиться.

– Я – сэр Конрад Вонвальт, Правосудие из Ордена магистратов Империи, – объявил он.

– П-правосудие Императора? – запинаясь, сказал сержант и поднес руку ко лбу. Он несколько раз молча открыл и закрыл рот. – Я... Я слышал сплетни, но не поверил им. К нам уже несколько лет не заезжал никто из магистратов. Вы приехали по старой Хаунерской дороге?

Вонвальт вздохнул.

– Я желаю поговорить с сэром Радомиром.

– Д-да, конечно, – сказал сержант. – Я попрошу одного из парней его позвать.

– В этом нет необходимости, – сказал Вонвальт. – Он наверху?

Сержант сглотнул.

– На верхнем этаже, милорд. – Казалось, ему стало неловко. – Сэру Радомиру... не понравится, что его беспокоят. Будет лучше, если я вас представлю.

Вонвальт скупно улыбнулся.

– Не утруждайте себя, сержант, – сказал Вонвальт. – Он не станет возражать, что его беспокою я.

Мы поднялись по скрипящим ступеням. Несколько дюжин свечей освещали нам дорогу – некоторые были восковыми, но большинство из свечного жира. Поскольку на мне была теплая шерстяная одежда и плотный плащ, мне быстро стало жарко. Комнаты сэра Радомира находились на верхнем этаже, и их было легко опознать по надписи «*Шериф*», намалеванной на двери по-саксански. Вонвальт громко постучал.

– Я же сказал, чтобы меня не беспокоили, – раздался за дверью суровый голос.

– Именем Императора, откройте эту дверь, – громко сказал Вонвальт.

Я услышала приглушенное: «Кровь Немы», затем звук шагов. Засов был сдвинут в сторону, и дверь распахнулась. Из комнаты пахло теплым воздухом, пропитанным алкогольным перегаром и дымом от очага.

– А вы, должно быть, Правосудие, о котором мы все столько слышали, – скалясь, произнес сэр Радомир. Он был высоким, ростом с Вонвальта, имел суровый, худощавый вид и короткие волосы с проседью. Его лицо уродовало багровое родимое пятно, похожее на винную кляксу. На нем были белые короткие штаны и синий с желтым дублет, а на поясе висел короткий кинжал.

– Да, это я, – ответил Вонвальт, неприязненно глядя на него.

– Вижу, лорд Саутер поспешил доставить вас в город.

– Так и есть.

Повисла пауза.

– Я – занятой человек, Правосудие, – нетерпеливо сказал сэр Радомир.

– В таком случае вы будете рады, что я не займу у вас много времени.

Снова пауза. Руки сэра Радомира были связаны, как и у всех, кто сталкивался лицом к лицу с имперским Правосудием, – и, как и многим другим, ему это совсем не нравилось. А еще, как и все, он побаивался способностей Вонвальта. Даже в столь крупном и развитом городе, как Долина Гейл, было трудно не верить бабушкиным сказкам и глупым сплетням, которые преследовали Правосудий повсюду, как облако тлетворных испарений.

– А эти двое кто? – спросил сэр Радомир, указав на нас подбородком.

– Мой пристав, Дубайн Брессинджер, и секретарь, Хелена Седанка.

– Грозодец и толка, – презрительно оскалившись, сказал шериф.

– И что с того? – резко спросил Вонвальт.

Сэр Радомир ткнул себя в грудь большим пальцем.

– Я два года сражался с толпами в Марках.

Вонвальт демонстративно оглядел меня, затем снова перевел взгляд на шерифа.

– Моего секретаря еще не было на свете, когда Рейхскриг достиг Мулдау, сэр Радомир.

Или вы просто боитесь девятнадцатилетних девушек?

Шериф пожал плечами, не отвечая на колкость.

– Сэр Радомир, – сквозь стиснутые зубы процедил Вонвальт. – Я осознаю, что моему присутствию в Долине Гейл могут быть не рады. Однако я здесь для того же, для чего и вы, – чтобы вершить правосудие.

Сэр Радомир наигранно вздохнул. Он еще немного потянул время, а затем смилиостивился.

– Ладно, входите... пока все тепло не выпустили.

Мы прошли в его комнату. Она была на удивление хорошо обставлена, с дорогой на вид деревянной мебелью, большим, лишь чуточку цвелым ковром и чугунным очагом, в котором пылала большая груда дров. Такая обстановка совсем не подходила сэру Радомиру, который, судя по всему, вышел из самых низших сословий. Мне стало интересно, что у него за прошлое и как он стал дворянином.

Жара была невыносимой; мы сняли плащи и сели у письменного стола напротив сэра Радомира.

– Лорд Саутер места себе не находит из-за гибели леди Бауэр, – сказал шериф. Он указал на пару оловянных кружек, хотя на столе стояло вино. – Эля хотите?

– Нет, благодарю, – сказал Вонвальт. – Лорд Саутер был близок с семьей Бауэров?

– Лорд Саутер близок со всеми, кто может сделать его богачом, – сказал шериф, хотя, похоже, сразу же пожалел о своей прямоте. – Что объясняет, как у него вообще получалось терпеть леди Бауэр. Приятным ее обществом трудно было назвать. – Он снова вздохнул, поднял свой кубок и сделал большой глоток вина. – Позвольте говорить с вами начистоту, Правосудие.

– Боюсь, вы уже начали, – сказал Вонвальт.

– Когда-то леди Бауэр была замечательной женщиной. Затем ее сын умер от оспы, а дочь ушла в монастырь, и она изменилась. Ее характер изменился. Она стала меланхоличной и вспыльчивой. Теперь, когда она мертва, люди станут говорить о ней много хорошего, но, видит Нема, менее приветливую даму нужно было еще поискать.

Брессинджер встрепенулся. Вонвальт быстро сказал:

– Утрату ребенка вынести непросто, нет судьбы более жестокой. Вы не можете упрекать ее в этом.

– Это я понимаю, – отмахнулся сэр Радомир. – Но тут было что-то другое. Даже не знаю. Казалось, что дело не только в утрате. Ее мысли что-то занимало, и не только горе.

– Что вы имеете в виду?

Сэр Радомир немного подумал.

– Нет. Не знаю. Назовите это чуйкой законника. Я так и не смог разобраться, что тогда произошло. И, наверное, уже никогда не разберусь, раз она умерла. – Он тяжело вздохнул. – Дрянное дело, когда убивают благородных дам, – понимаю, что ничего более очевидного вы, скорее всего, не слышали.

Вонвальт склонил голову.

– Я понимаю, о чем вы.

– Половина города в гневе. Простолюдины, конечно, мрут довольно часто, как сами, так и с чьей-то помощью; для города вроде нашего это естественно. Но чтобы жену лорда... Вести об этом наверняка дойдут до барона Наумова в Кругокаменске, если уже не дошли. Возможно, и другие об этом узнают. Если же слухи пересекут границу Гулича и дойдут до ушей князя, вот тогда нам не поздоровится. Последнее, что мне нужно, так это императорский родственничек, сующий свое рыло в дела города. Нема тому свидетель, нам хватает диких свиней на Аптекарской улице.

– Следите за языком, – резко сказал Вонвальт, но шериф лишь невозмутимо отмахнулся от него. Вонвальт поджал губы. – Что еще вам известно? Вы говорили с лордом Бауэром?

Сэр Радомир кисло посмотрел на Вонвальта.

– Правосудие, я уже десять лет поддерживаю порядок в Долине Гейл. Конечно же, я говорил с лордом Бауэром.

– Что он сказал?

Сэр Радомир снова сделал большой глоток вина. Когда он поставил кубок обратно, его губы заблестели в свете пламени.

– Он был убежден, что в убийстве виновен его конкурент.

– Да неужели?

– Именно так.

– И он назвал имя?

– Назвал.

Вонвальт откашлялся – иногда он так делал, когда пытался сдержать свой гнев.

– Сэр Радомир, я желаю помочь вам с этим делом.

– Правосудие, здесь, в Долине, у Императора уже есть верный ему подданный, способный расследовать это преступление. И этот подданный – я.

– Я мог и сам догадаться.

– Мне не нравится, когда кто-то узурпирует мои полномочия.

– Не преувеличивайте. Никто ничего не «узурпирует», – сказал Вонвальт. – По Закону Старшинства я могу взять расследование на себя. Это вопрос права, а не принижение ваших способностей.

– Мне это все равно не нравится.

– Подобное вообще мало кому нравится, сэр Радомир. Надеюсь, вас утешит тот факт, что, как и у всех ваших предшественников, у вас нет выбора. Я могу предоставить вам грамоты, подтверждающие мои полномочия, если вам так угодно.

Сэр Радомир поморщился. Я никогда прежде не видела, чтобы законники с такой неохотой передавали дело.

Многие только радовались возможности избавиться от бремени расследования, большая часть которого была делом неблагодарным и в конце концов не приносила результатов.

– Я бы хотел, чтобы вы тесно сотрудничали со мной, – сказал Вонвальт. – Вы явно из тех, кто гордится своей работой. У меня нет желания становиться вашим врагом.

– Что, вы не присвоите себе все заслуги? Если мы найдем виновного?

– И приму на себя всю ответственность в случае, если расследование завершится неудачей.

– Какая редкая щедрость.

– Я не тщеславен, сэр Радомир. Я желаю лишь убедиться в том, что правосудие свершится.

Сэр Радомир, не ожидавший этого, внимательно посмотрел на Вонвальта.

– Что ж, посмотрим.

– Назовите мне имя подозреваемого, шериф. Я не стану просить снова.

– Зоран Вогт, – сказал сэр Радомир. – Конкурент Бауэра. Эти двое уже давно грызутся. Вздорят из-за пустяков, как дети малые.

– Какие-нибудь преступления за ними были замечены?

– В прошлом я подозревал эту парочку в нескольких нарушениях, но не смог ничего доказать. Многие из тех, кто ходят по Гейл, торгуют незаконно. Река течет до самой Совы.

– Они ведут общие дела?

– Судя по всему, да, хотя по ним и не скажешь. Все они похожи, эти новые лорды. «Торговые князьки», как их называют в народе. Они или их отцы нажились на Рейхскриге и заслужили себе при этом рыцарские титулы. Теперь они считают, что стоят выше закона.

– *De jura nietra iznia*, – пробормотал Вонвальт на высоком саксанском.

– «Никто не выше закона», – сказал сэр Радомир. – Пытаетесь произвести на меня впечатление своим знанием придворного языка, сэр Конрад?

– *Достаточно!* – рявкнул Вонвальт, и его голос грянул по комнате, как раскат грома. Я резко посмотрела на него. Он применил Голос Императора или же только его отголосок. Брессинджер встревожился. Сэр Радомир заметно побледнел. Его кадык заходил, и он секунду не мог ничего сказать. Он выпучил глаза и окинул взглядом комнату, явно впадая в панику от того, что потерял дар речи. Вид у него был как у человека, который только что осознал, что он тонет.

– Кровь Немы, – наконец прохрипел шериф. Прижав одну руку к сердцу, другой он уперся в стол. – Пропади моя вера, Правосудие, ну у вас и сила.

– И мне редко доводится ее применять, – стальным голосом сказал Вонвальт. – Я устал, сэр Радомир, и мне уже порядком надоела ваша заносчивость. Я отнесся к вам со всем терпением, на какое способен, поскольку вы явно из тех, кто ратует за справедливость. Но я не стану сносить дальнейшую непочтительность. Я уже сказал вам, что пришел помочь. Была убита женщина – леди, в конце концов. Вам бы не мешало помнить об этом. Сейчас я вам не враг.

Сэру Радомиру понадобилось время, чтобы прийти в себя, и несколько больших глотков вина. Он снова наполнил свой кубок и поставил его на стол.

– Что еще вы желаете знать? – спросил он. В его голосе появилась хрипотца.

– Расскажите мне об отношениях Бауэра и Вогта. Вы говорите, они давно знакомы?

Сэр Радомир кивнул.

– Несколько лет назад Вогт подал нам на него жалобу. Он заявлял, что лорд Бауэр подстроил диверсию на одном из судов, которое перевозило вниз по реке большую партию зерна. Вогт купил зерно на заемные деньги, и его утрата грозила ему банкротством.

– Он справился с трудностями?

– Справился. Но он считает, что тот случай стоил ему не только значительной суммы денег, но и рыцарского титула. – Сэр Радомир усмехнулся. – Вполне возможно, что он прав.

Вонвальт немного поразмыслил.

– Но ведь прошло уже несколько лет?

– Тот случай с зерном произошел по меньшей мере два года назад. Мы ведем учет в соответствии с имперскими указами. Я могу потребовать записи из архива.

– Было бы неплохо, благодарю.

– Не считая Вогта, лорд Бауэр и представить себе не может, кто мог желать его жене смерти.

– За исключением, возможно, самого лорда Бауэра, – сказал Вонвальт. – Мой опыт подсказывает, что, когда убивают женщину, чаще всего виновен оказывается ее муж.

– Верно, мой опыт говорит о том же. Я предупредил лорда Бауэра, что он все еще под подозрением. Но, хотя я его и недолюбиваю, чуйка подсказывает мне, что убийство совершил не он.

– Неужели? – спросил Вонвальт.

– Как я и сказал, Правосудие, я уже десять лет поддерживаю в Долине Гейл порядок – ну или что-то близкое к нему. До этого я охранял закон в Перри Форде и был солдатом. – Он кивком указал на Брессинджера. – Вы и ваш пристав ведь сражались в Рейхскриге?

– Да, – сказал Вонвальт.

– Тогда вы знаете, что убийство делает с человеком. Как оно меняет его. Нельзя лишить кого-то жизни и остаться прежним, даже если вы убиваете врага. Лорд Бауэр мрачный человек, но он не убийца. Характер у него не тот.

– Ясно, – сказал Вонвальт. Несмотря на изначальную неприязнь, я видела, что Вонвальт проникся к шерифу уважением.

– Впрочем, у меня нет ваших способностей, – сказал сэр Радомир.

– Нет, но, по-моему, профессиональной чуйки чаще всего вполне достаточно, – сказал Вонвальт. – Вы не выяснили, были ли у леди Бауэр какие-нибудь враги? Возможно, интрижка на стороне? Или она узнала что-то, чего не должна была знать?

Сэр Радомир пожал плечами.

– Если что-то подобное и было, то до меня даже слухи не дошли. Я приказал своим парням держать ухо востро, но... – Он снова пожал плечами. – Признаться, Правосудие, я особых надежд не питаю. Мотива нет. И меня это изводит.

– Могу себе представить, – рассеянно сказал Вонвальт. Я заметила, что это дело уже его озаботило. Наконец он поднялся. – На этом пока все. Благодарю, что уделили мне время, шериф.

Сэр Радомир встал.

– Пожалуйста. Надеюсь, мы скоро сможем пролить свет на произошедшее. Сколько лет служу закону, а с таким убийством еще не сталкивался. Даже в Перри Форде никто не убивал жен лордов.

– В Сове это тоже редкость, шериф, – сказал Вонвальт. – А когда подобное все же случается, не успеете и глазом моргнуть, как виновник уже обнаружен. – Он выглянул из окна. На улице стремительно темнело. Вонвальт снова посмотрел на сэра Радомира. – С убийства леди Бауэр прошло два дня, а у нас нет никаких зацепок, кроме разлагающейся покойницы. Нужно действовать быстро, если мы хотим во всем разобраться.

IV Лорд Бауэр

*«Лишь Правосудие может заставить человека
свидетельствовать против самого себя».*

Из «Столпов сованского гражданского права» Катерхаузера

Мы вышли из здания городской стражи и направились к резиденции лорда Саутера. Тучи наконец разродились, и в воздухе закружились снежинки. Я мысленно порадовалась богатству города и его мощным улицам – пробираться по грязи и слякоти в холодных, промокших башмаках мне совсем не хотелось.

– Суровый он человек, – сказал Брессинджер Вонвальту.

Вонвальт хмыкнул.

– Его повадки меня не волнуют, – сказал он, – к тому же он пьяница до мозга костей. Но прямодушный. И это ценно.

Мы быстро шли по холодному городу. За последний час рынок закрылся, улицы почти опустели, и лишь редкие стражники неторопливо шатались по булыжным мостовым. Один остановил нас, остальные же признали в Вонвальте Правосудие. К тому времени, когда мы добрались до резиденции лорда Саутера, дневной свет уже почти окончательно померк, и храмовый колокол прозвонил, возвещая начало комендантского часа и закрытие городских ворот на ночь.

– Сэр Конрад, – сказал стражник у резиденции, неуклюже поднимаясь на ноги. Резиденция была окружена кованой железной решеткой, единственные ворота в которой обрамлялись парой колонн из кирпича. – Лорд Саутер шлет свои извинения: его вызвали по срочному делу, и он не сможет встретиться с вами сегодня. Он распорядился, чтобы о вас позаботились.

– Хорошо, – сказал Вонвальт, и мы вошли в ворота. Я заметила, что на самом деле он остался доволен – его не радовала мысль о том, что в ближайшие несколько часов ему придется вести вежливые беседы или, что хуже, говорить о работе. Вонвальт считал подобные разговоры утомительными, а мне – младшему секретарю, которой полагалось сидеть молча и изображать заинтересованность, – они казались смертельно скучными.

Нас провели через парадную дверь в просторный вестибюль. Внутри дом выглядел так же внушительно, как и снаружи. Скучный свет проникал с улицы через витражные окна, усеивая половицы случайными цветными пятнами, которые были похожи на отблески пламени, просвечивающего через пригоршню драгоценных камней. Здесь было невыносимо жарко – видимо, во многих комнатах вовсю горели очаги. Стены увешивали гобелены, а полы устилали ковры. Мебель выглядела дорогой, и многие предметы, судя по виду, были ввезены из других стран. Дом словно кичился богатством своего хозяина.

Слуги проводили нас в покои на верхнем этаже. Вонвальту выделили большую спальню на углу здания. Ее окна выходили на две стороны; из одного открывался вид на протекавшую чуть дальше реку, а из другого – на широкую гильдейскую улицу, хотя ни там, ни там смотреть было особенно не на что. С неба густо валил снег, и тьма черным дымом обволакивала уличные фонари.

Мне и Брессинджеру выделили одну комнату на двоих. Она находилась дальше по коридору и была отделена от покоев Вонвальта еще одной закрытой комнатой. Я расстроилась, увидев, что в нашей комнате стояла лишь одна кровать, но не удивилась этому. Брессинджеру и мне уже приходилось спать вместе, и, с какой бы теплотой я ни относилась к нашему приставу, во сне он громко храпел и много ворочался. Впрочем, едва мы вошли, он отправился по местным пабам и борделям и вернулся только под утро.

Я с нетерпением ждала горячего ужина и возможности прилечь, чтобы немного поспать, но, вскоре после того как мы устроились, Вонвальт пригласил меня в свою комнату. Я пала духом. За последний год наша дорожная жизнь все больше и больше утомляла меня, а учеба и работа секретарем Правосудия разочаровывали. Так что у меня совсем не было настроения для одного из наших вечерних занятий.

– Садись, Хелена, – сказал Вонвальт, когда я вошла в его комнату, и указал на удобное на вид кресло. Вонвальт, снявший с себя пальто и жакет, сейчас был одет лишь в простую рубаху и короткие штаны. Он расслабленно сидел на банкетке у окна и курил трубку. Я знала, что он наверняка распорядился приготовить ему позднее вечернюю ванну. Когда возникала возможность помыться, Вонвальт всегда ею пользовался.

– Что ты думаешь? – спросил он, глядя в окно.

– О чем? – спросила я. Настроение у меня было скверным, и я этого не скрывала.

На лице Вонвальта промелькнуло раздражение.

– О деле в целом, – сказал он. – О сэре Радомире. О лорде и леди Бауэр. Ты сделала какие-нибудь предварительные выводы?

Я хотела было вздохнуть, но сдержалась. Вонвальт был терпелив, но показывать свое непочтение вздохами все же не стоило. Даже будучи не в духе, я это понимала. Однако, как и многие предыдущие наши занятия, сегодняшнее обещало оказаться долгим и скучным. Наши беседы не следовали никакому плану или сценарию, отчего они различались по длительности и содержанию. Иногда они принимали вид уроков, во время которых Вонвальт садился и час рассказывал мне о самых разных предметах: о праве, истории и Рейхскриге. К счастью, он никогда не заводил разговор о математике, в которой и сам был не очень-то силен. В другие дни Вонвальт старался вовлечь меня в дискуссию, в ходе которой неизменно разносил мои доводы в пух и прах, оставляя меня кипеть от гнева и негодования. Порой же мы просто разговаривали. Все-таки Вонвальт был человеком, и иногда ему хотелось обыкновенного общения.

Думаю, причин моей неприязни к нашим занятиям было две. Во-первых, практика Вонвальта вызывала у меня искреннее равнодушие, которое постепенно росло. По большей части его работа была довольно нудной. Путешествуя по окраинам Империи, мы сталкивались с самыми разными преступлениями, но почти все они были мелкими и незначительными. С более важными и захватывающими делами Вонвальт обычно разбирался в одиночку, говоря, что я еще неопытна и относительно молода. А меня – дерзкую юную особу – это возмущало.

Вторую же причину я осознала намного позже – то был страх разочаровать Вонвальта. Он спас меня от жалкого существования на улицах Мулдау. Я была обязана ему всем, включая мою жизнь. Вонвальт явно стремился вылепить меня по своему образу и подобию, чтобы однажды я смогла присоединиться к Ордену, и я считала, что обязана отплатить ему добросовестным трудом и усердием. Но, сталкиваясь с неудачами, я начинала чувствовать себя недостойной и дурно на это реагировала, что, в свою очередь, вело к новым обидам.

Теперь, когда я оглядываюсь назад, мне становится стыдно за то, что я тогда чувствовала и как себя вела, но ведь я была еще совсем юна. А молодым и неопытным можно многое простить.

– Я думаю, что лорд Бауэр убил свою жену, – небрежно сказала я. – А то, что шериф говорит о возможной причастности Вогта, – это все домыслы.

– Ты не согласна с интуицией сэра Радомира?

Я пожалала плечами.

– Я бы не придавала большого значения его словам. У него масса предубеждений. Вы же слышали, что он говорил обо мне и Брессинджере.

Вонвальт отмахнулся от меня, как от облака дыма из трубки.

– Большинство людей не доверяют и тем, кто живет по соседству, не говоря уже о выходцах из других стран. Будучи хаунерцем, сэр Радомир представляет собой типичного сованца.

Наша терпимость к другим народам и верованиям – это скорее исключение, а не правило, по крайней мере, здесь, далеко за пределами Совы.

– Это не значит, что подобное приемлемо. – То, что меня столь пренебрежительно назвали толкой, задело меня гораздо больше, чем я думала. Вонвальт же был слишком великодушен, называя меня исключением. До того как он вступил в Орден, Вонвальт был призван в Легионы и убивал йегландцев, своих соотечественников, затем грозодцев и, наверное, многих толщев. Однако все это не мешало ему оставаться беспристрастным. Для него все были сованцами, поскольку все подчинялись законам общего права. Что же до меня – несмотря на то что наша работа отчасти избавила меня от предубеждений, я, как и всякий толец, все так же недолюбливала хаунерцев и – Нема сохрани – йегландцев вроде Вонвальта. Все-таки Йегланд, Хаунерсхайм и Толсбург сидели друг у друга костью в горле еще за много столетий до того, как возник Аутун. Ненавидеть друг друга было нормально. Трудно не утонуть в болоте предрассудков, когда находишься на самом его дне.

– Я не говорю, что это приемлемо; я говорю, что это свойственно людям здешних мест, – сказал Вонвальт. – Брось, неужели ты хочешь сказать, что сама выше всех предубеждений? Мы объехали часть – и только часть – Империи, но мир гораздо больше тех земель, что завоеваны Совой. В нем живут люди разных цветов кожи. На реке Треба я видел торговые корабли с матросами, чья кожа была черной как смоль. Казары на юге и вовсе наполовину волки. Посмотри хотя бы на Стража Императора – он один из них. – Вонвальт сделал затяжку из трубки. – А есть и многие другие. Признаю, твои странствия позволили тебе увидеть многие народы Сованской империи, но все эти народы похожи – более или менее – и ведут себя одинаково, какими бы ни были их воображаемые различия.

– Дубайн темнокожий, – сказала я. – И мы с ним близки.

– Дубайн – гроздец, – усмехнулся Вонвальт. – В молодости он слишком много времени провел на солнце. Он не темнокожий – по крайней мере, не в том смысле, в котором ты думаешь. Как бы ты себя чувствовала, окажись ты в компании человека с Пограничья?

– Меня бы это совсем не беспокоило, – сказала я.

– Да уж, – пробормотал Вонвальт. – К чему я веду: то, что у сэра Радомира имеются предрассудки, не значит, что он ошибается насчет лорда Бауэра. Хотя это и характеризует его не с самой лучшей стороны.

– А если бы подозреваемым был другой чужеземец? – спросила я.

Вонвальт немного поразмыслил.

– Это не имело бы значения. Принципы Ордена магистратов ясны: закон должен применяться одинаково ко всем, кто находится на территории Империи; а также ко всем, кто, находясь за ее пределами, добровольно этим законам подчиняется. – Вонвальт прибег к цитированию, что обычно делал, когда начинал уступать в дискуссии. Но я была уверена, что он заблуждается. Вопрос заключался лишь в том, было ли это заблуждение искренним или же он притворялся, чтобы втянуть меня в спор.

– Но ведь согласитесь: то, что предписывает Орден, и то, что происходит на практике, – это две разные вещи.

Вонвальт снова сделал долгую затяжку.

– Естественно, Хелена, – сказал он. Ему пришлось согласиться, потому что я озвучила очевидную истину. – В этом и заключается весь смысл нашего существования.

Я стиснула зубы. Год назад я бы уже сдалась. Вонвальт нарочно говорил таким тоном, чтобы я чувствовала себя глупо, – представители закона часто прибегали к такой уловке. Но я понимала – во многом благодаря его урокам, – что он просто ушел от прямого ответа.

– Я говорю не о предназначении Правосудий, – с жаром сказала я. – Я говорю о том, как применяются законы Совы. Представитель закона может осудить чужеземца или любого, кто ему не понравится, гораздо строже, чем позволяет закон, лишь из-за внешности.

– Для этого и существует общее право и прецеденты. Для этого мы и записываем все наши решения, и для этого их отправляют обратно в большую Библиотеку Законов, чтобы секретари могли проверить, применяется ли закон одинаково во всех случаях.

– Только эта проверка может занимать месяцы, а то и годы! – воскликнула я. – И ее результат вряд ли утешит человека, лишившегося головы за преступление, которое, как окажется неделю спустя, требовало гораздо меньшего наказания!

Вонвальт разве что не пожал плечами.

– Одно из преимуществ общего права заключается в том, что его законы могут меняться со временем, чтобы продолжать соответствовать устоям, принятым в обществе. Попробуй назвать систему лучше этой. Наверняка и законы Толсбурга, как и все, существовавшие прежде, представляли собой довольно убогий сборник постановлений.

Я ощутила, как увядает мое желание продолжать спор. Я ничего не знала о прежних законах Толсбурга, ведь они все утратили силу, а Вонвальт мог парировать любые, даже самые, казалось бы, неопровержимые доводы.

– Я не знаю, – устало сказала я. Урок начался с беседы и перешел в дискуссию о законах и этике. Вонвальт явно пребывал в одном из своих чудаковатых, воинственных настроений, первой жертвой которых чаще всего становилась я.

Вонвальт вздохнул, и из его рта вылетело большое облако дыма. Его наше занятие тоже явно не удовлетворило.

– Я хочу, чтобы утром ты принесла учетные книги, которые город хранит со времени визита последнего Правосудия. Полагаю, до нас здесь была Реси Августа – похоже, мы идем по ее следам, хотя она и оставила их уже давно. Затем можешь получить у сэра Радомира сведения по тому заявлению, которое мистер Вогт подал на лорда Бауэра. Принесешь все сюда и попросишь слуг поставить стол побольше. После можешь начать просматривать записи.

– Ладно, – сказала я. Хоть меня и переполняла обида, отказаться я не могла.

Вонвальт внимательно посмотрел на меня.

– Я собираюсь принять ванну. Увидимся внизу за ужином.

– Я не голодна, – пробурчала я, явно солгав.

Он секунду помедлил.

– Что ж, тогда спокойной ночи, – сказал он, не желая потакать моему кислому настроению, и потушил трубку.

Я поднялась на ноги и ушла, радуясь, что избавилась от его общества. Я вернулась в нашу с Брессинджером комнату и плюхнулась на кровать. Какое-то время я просто лежала на ней, пока не услышала, как Вонвальт спустился вниз; затем я все-таки сняла одежду, забралась под покрывало и потушила лампу.

* * *

Мы встали с восходом солнца – то есть, поскольку месяц был зимним, проспали дольше обычного. Несколько недель мы провели в пути, ночевали в трактирах, а порой и вовсе под открытым небом, сносили холод и постоянную угрозу нападения диких зверей и грабителей. После всего этого мне совсем не хотелось вылезать из роскошной гостевой кровати лорда Саутера. Слуги тоже встали рано, чтобы разжечь очаги, и тепло, исходившее от первого этажа, уже наполнило мою комнату. Благодаря этому скинуть с себя покрывало оказалось проще обычного.

Брессинджер вернулся вскоре после того, как я проснулась. От него разило пивом. Пока он шатался по комнате, я внимательно смотрела на него. Он был красив, даже красивее Вонвальта с его неизменно опущенными уголками губ, придававшими лицу выражение вечного недовольства. Они оба были темноволосыми, хотя волосы Брессинджера, которые он убирал в

хвост, были темнее, как и его глаза и кожа. Самой заметной его чертой были усы, которые мне не очень нравились и которые редко можно было увидеть за пределами Грозоды и, наверное, некоторых частей Венланда. Также Брессинджер был от природы более мускулистым и лучше одевался – хотя сравнивать их в этом было нечестно, поскольку Вонвальту большую часть дня приходилось носить магистратскую мантию.

Что же до его характера, то Брессинджер сочетал в себе две противоположности. В одно время он мог быть неутомимым, флиртовать с местными женщинами, спорить с Вонвальтом и утомлять нас грозодскими песнями и народными сказаниями. Но уже на следующий день он мог впасть в глубокую тоску, проводить большую часть времени в угрюмом молчании и затевать драки в местных трактирах. Мне было известно, что он сражался вместе с Вонвальтом в Рейхскриге и умело обращался с мечом, но я точно не знала, как именно их дороги сошлись и как Брессинджер оказался у Вонвальта на службе. Одно лишь было совершенно ясно: Брессинджер всегда яро защищал своего господина и без колебаний бы вмешался, если бы решил, что я говорю с ним грубо или непочтительно.

Я смотрела, как он бродит по комнате, словно им движет не собственная воля, а какая-то магическая сила. Мне было неведомо, чем занимался Брессинджер в те длинные ночи, которые проводил не с нами. Спал с девицами в местных борделях – конечно, – но на этом все не заканчивалась. Я знала, что он много пил и порой возвращался с раскрасневшимися глазами, словно провел несколько часов, кого-то оплакивая. По тому, как он выглядел теперь и как демонстративно не обращал на меня внимания, я поняла, что мне стоит какое-то время держаться от него подальше. Я оделась, спустилась вниз, накинула свой плащ и, выйдя на свежий утренний воздух, зашагала к воротам. Там я увидела груды обычных подношений – безделушек, свечей и цветов, а также странную, наспех нацарапанную записку, которую Вонвальт никогда не стал бы читать. Большая часть вещей была прикрыта снегом, а некоторые торчали из него, как костлявые пальцы трупа на поле боя. В конце улицы стояла парочка зевак, но мороз и присутствие городских стражников мешали им подойти.

Я остановилась, едва вышла за ворота. По другой стороне улицы мимо резиденции мэра шел тот же стражник, что вчера сопровождал Вонвальта в город. Увидев меня, он тоже остановился.

– Доброе утро, – сказал он. Мороз превратил его выдох в облачко пара. На нем, как и на мне, был надет большой плащ, накинутый поверх его доспехов, и по румянцу на его щеках стало ясно, что он на улице уже давно.

Мое сердце затрепетало. Он был хорош собой, с широкими квадратными плечами, широкой квадратной челюстью и хорошими зубами, все из которых были на месте. Будучи сиротой, я росла на улицах и в домах призрения Мулдау, и та суровая, нищенская жизнь ожесточила меня. Однако за два года, которые я провела под отеческой защитой Империи, перенимая утонченные манеры Вонвальта, я снова смягчилась и отчасти вернула себе детскую невинность. Подойди этот парнишка ко мне два года назад, я бы коротко отбрила его и покрыла бы отборной бранью. Теперь же я ощутила, как краснеют мои щеки.

– Доброе утро, – сказала я.

– Как тебя зовут?

– Хелена Седанка, – ответила я. Не зная, куда деть свои руки, я сцепила их перед собой. – А тебя?

– Матас, – сказал он и прибавил: – Акер. Из городской стражи, – как будто это было не очевидно. Желая произвести на меня впечатление, он чуть повернулся так, чтобы продемонстрировать мне свое оружие – дорогой на вид меч в отличных кожаных ножнах. Сейчас я с улыбкой вспоминаю о том, что все-таки *впечатлилась*. Тогда я была всего лишь глупой девчонкой, очарованной молодым солдатиком.

Повисло неловкое молчание. Я, часто острившая с Брессинджером и Вонвальтом, двумя ветеранами Рейхскрига и агентами Империи, не могла найти слов, чтобы заговорить с юношей из провинции.

– Куда направляешься? – спросил он.

– Сначала в суд, потом в здание стражи, – сказала я. – По официальному делу.

– Какое приятное совпадение, – сказал Матас. – Я тоже иду к зданию стражи. Моя патрульная смена только что закончилась. Может быть, я тебя провожу?

– Как хочешь, – сказала я. Слова прозвучали резко, хотя я этого и не хотела.

Вместе мы побрели по снегу. На улицах было тихо, но те из прохожих, кто все же осмелился выйти наружу под утренний снегопад, часто останавливались, чтобы хоть мельком почтительно поприветствовать Матаса.

– А тебя многие знают, – негромко сказала я.

Он улыбнулся. У него была красивая улыбка.

– Мы стараемся, чтобы горожане замечали наше присутствие, – весело сказал он. – В Долине Гейл страже выделяют много денег. Поэтому мы можем регулярно патрулировать улицы. Лорд Саутер считает, что безопасный город – это процветающий город.

– И давно ты в страже?

Я заметила, что вопрос ему не понравился.

– Не очень давно, – наконец сказал он. – Только шесть месяцев. Видишь ли, нужно достичь определенного возраста, чтобы поступить на службу, – быстро прибавил он.

Мы свернули и прошли мимо рынка, где торговцы и работяги выкладывали товар на прилавки.

– А ты чем занимаешься? – спросил он. – Я видел тебя вчера. Ты работаешь на Правосудие?

– Я его секретарь, – сказала я.

– И тебе это не нравится?

Видимо, тон моего голоса выдал меня. Я посмотрела на Матаса.

– Нет, я довольна, – сказала я. – Это хорошая работа, и она открыла передо мной множество дверей. Сэр Конрад хочет, чтобы я тоже стала Правосудием.

– Я никогда не слышал, чтобы женщины ими становились.

– Такое случается довольно часто, – сказала я. – В правовых вопросах Аутун не видит различий между мужчиной и женщиной. «Все могут быть судимы законом, и все могут его поддерживать», – процитировала я одного старого юриста. Эта фраза была одной из любимых цитат Вонвальта.

– Так ты, значит, ученая, – сказал Матас, хотя по его тону было не понять, отпугнуло его это или нет. Я заметила, что других людей, в особенности мужчин, это часто отталкивало. – И ты бывала там? В Сове?

– Нет, – быстро сказала я. – То есть пока что нет. Когда-нибудь наш маршрут туда приведет, но не раньше, чем через несколько месяцев.

– А давно вы в пути?

– Уже почти два года, – сказала я.

– Пресвятая Нема! Так же нельзя жить.

Я пожала плечами. Мне почему-то захотелось вступить за наш образ жизни.

– Ко всему привыкаешь. И потом, мы делаем важное дело.

– Конечно. Но разве это не тяжело? Когда нет дома, куда можно было бы вернуться?

Я замялась, почувствовав себя неловко. Я не любила рассказывать о своем прошлом незнакомцам, особенно тем, которые мне нравились.

– У меня уже давно не было дома, – сказала я.

– Сочувствую, – сказал Матас.

– А что же ты? – быстро спросила я. – Ты всю жизнь прожил в Долине Гейл?

Он кивнул.

– Моя мать умерла от оспы, когда я был совсем маленьким, но я все еще живу с отцом. Он был ранен, сражаясь с толпами в Марках, и теперь не может ходить.

– Сочувствую, – настороженно сказала я. В разговоре с сэром Радомиром мне пришлось промолчать, но сейчас я этого делать не собиралась. Если Матаса чем-то не устраивало мое происхождение, я бы дала ему отпор, и не важно, нравился он мне или нет.

– Ты ведь толка, верно? – беззлобно сказал он. – Седанка – такие фамилии дают марчанам.

– Верно, – сказала я. – А что? Тебя это заботит? Я еще не родилась, когда Рейхскриг пришел в Мулдау.

– Нет, не заботит, – быстро сказал Матас. – Я не держу на марчан зла. И вообще, мы теперь все подданные Аутуна. Я и сам другой жизни не знал.

Я успокоилась и застенчиво, неискренне улыбнулась ему. Я злилась на саму себя. Матас был хорошим парнем, а я вела себя неуклюже и была плохой собеседницей.

Мы свернули на улицу, которая вела напрямик к Вельделинским воротам. Примерно на четверти пути к ним располагалось здание суда – богато украшенное каменное строение, оштукатуренное турелями с коническими крышами из серого шифера и увешанное промокшими знаменами Совы. Здание стражи находилось чуть дальше, рядом с городской тюрьмой.

– Что ты думаешь об убийстве леди Бауэр? – спросила я, когда мы подошли к зданию суда, понимая, что наша совместная прогулка подходит к концу.

Матас пожал плечами.

– Скверное дело, это уж точно, – сказал он. – Обычно, когда случается убийство, простые люди только и делают, что тычут в других пальцами, и ничем ты их не остановишь. У нас сразу же список подозреваемых становится длиной с локоть. – Матас помедлил. – Сейчас все по-другому. Даже заподозрить некого. Сэр Радомир твердо уверен, что лорд Бауэр, каким бы тяжелым человеком он ни был, не виноват. Никто ничего не видел и не слышал. Мы прочесали всю восточную часть города и не нашли никого, кто бы внезапно разбогател – на случай, если это был неудачный грабеж. И никто не треплет языком, даже когда мы пытаемся их... разговаривать, если ты понимаешь, о чем я. Леди как будто просто исчезла. Если бы не трещина в ее черепушке, – он постучал по шлему у виска, – все бы подумали, что она просто оступилась на берегу Гейл и утонула. Река глубокая, и течение у нее опасное. Не зацепись она за корень дерева, сынишка Тома Бевитта ее бы и не нашел.

Я содрогнулась, представив себе, как труп леди Бауэр вертится глубоко под водой, увланиваемый течением, и как постепенно от него ничего не остается.

Матас вздохнул.

– Я сам не знаю, что и думать. Но у сэра Радомира есть свои мысли.

– Он подозревает кого-нибудь конкретного? – продолжала допытываться я.

– Не могу сказать, – сказал Матас. – Нема, я и так уже слишком много наговорил. Нам не положено болтать об этом деле. И потом, я почти не имею к нему отношения – у сэра Радомира, в соответствии с указами Совы, есть специальная группа людей, которые занимаются расследованиями.

– Понятно, – сказала я. Мы дошли до здания суда и остановились перед внушительными железными воротами. Наверху возвышалась большая каменная статуя двуглавого волка, зловеще глядящего вдаль. Над ней, на стене, были вырезаны слова на высоком саксанском: «*De Jura Nietra Iznia*». «Никто не выше закона».

– Ты ведь сказала, что потом пойдешь еще и в здание стражи за записями?

– Да, – сказала я.

– Я могу тебе помочь?

Я знала, что если задержусь еще больше, то пропущу разговор Вонвальта с лордом Бауэром, который был назначен на утро. Вонвальт не хотел слишком долго возиться с этим исследованием.

– Спасибо, но в этом нет нужды, – с сожалением сказала я. – Я лишь ненадолго зайду, чтобы их забрать.

Матас, похоже, расстроился.

– Я бы хотел снова тебя увидеть, Хелена.

Я не подала виду, но мне понравилась его прямота.

– А я – тебя, – ответила я, отчаянно желая, чтобы мы снова встретились.

Он сразу же просиял.

– Вы ведь остановились в резиденции лорда Саутера?

– Да, но у меня почти не бывает свободного времени, – быстро сказала я. – Я могу передать записку в здание стражи, когда в следующий раз освобожусь.

Он кивнул.

– Хорошо.

Мы стояли в снегу и неловко молчали.

– Что ж, тогда до встречи, – смущенно сказала я, теребя свой плащ.

Матас коснулся полей своего шлема.

– До встречи, – сказал он и пошел дальше. Я не знаю, оглянулся ли он, потому что сразу же поспешила в здание суда.

* * *

Я не смогла забрать записи из судебного архива, поскольку их было слишком много, но в здании стражи у меня получилось раздобыть у дежурного сержанта журнал с заявлениями о преступлениях. Затем я поспешила обратно. На улицах уже сталолюдно, и все прохожие выглядели довольно жалко. Я прошла через рыночную площадь и остановилась, чтобы посмотреть на большие храмовые часы, стараясь при этом не обращать внимания на трупы замерзших попрошаек у подножия колокольни. Было уже почти девять.

Я ускорила шаг и добралась до резиденции мэра как раз вовремя – Вонвальт и Брессинджер уже шли по дорожке, ведущей от входной двери к воротам. Оба были одеты внушительно, как и подобало агентам Империи, а сверху на них были накинуты строгие, отороченные мехом плащи.

– Не беги так, Хелена, а то поскользнешься на льду, – раздраженно крикнул мне Брессинджер. Я подозревала, что его мучает сильнейшее похмелье.

– Сэр Конрад, – сказала я. Он резко остановился.

– Да?

Я сказала ему, что не смогла принести учетные книги, хранившиеся в здании суда.

Он явно остался недоволен.

– Сейчас у меня нет времени разбираться с этим, – сказал он. – Я надеялся, что ты проявишь хоть немного инициативы, Хелена. Сегодня утром ты могла бы остаться в хранилище и начать просматривать записи там.

– Простите, – промямлила я. – Мне просто очень хотелось пойти с вами на встречу с лордом Бауэром.

Вонвальт смягчился. Не мог же он злиться, когда я проявляла интерес к нашей работе. Впрочем, он считал – и вполне справедливо, – что мне было интереснее смотреть на то, как суется и нервничают лорды на допросе, а не усердно рыться в записях, как это приходилось делать ему. Тем не менее порой он мне уступал, и я всегда была готова этим воспользоваться.

Брессинджер, прищурившись, смотрел на меня.

– Тогда займись делом, – буркнул Вонвальт. – Отнеси этот журнал в мою комнату и захвати с собой свой. Запись допроса у нас все-таки останется, – прибавил он, обращаясь к Брессинджеру.

– Спасибо, – с улыбкой сказала я и поспешила исполнить все, что он велел. Когда я вернулась, то обнаружила, что они не стали дожидаться меня, и мне пришлось узнавать у стражников и местных жителей, как пройти к дому лорда Бауэра. Вонвальта и Брессинджера я догнала уже у ворот.

Лорд Бауэр жил в большом городском особняке, похожем на дом лорда Саутера с единственным отличием – с двух сторон к нему липли другие большие дома торговцев. Всего их было около двадцати, и находились они в одной-двух улицах от гавани, где скрипел и покачивался на ветру лес корабельных мачт. Вонвальт постучал в дверь своим массивным кулаком в перчатке. Вскоре щелкнул засов, и дверь отворилась. Нас встретила служанка в траурных одеждах и с раскрасневшимися глазами. Изнутри повеяло теплом и запахом очага.

– Я – Правосудие сэр Конрад Вонвальт, – мягко сказал он. – Я пришел поговорить с лордом Бауэром. Мне не назначали встречу. Вы не могли бы проводить нас в приемную и попросить его спуститься?

Служанка просто кивнула – как и многие другие, она потеряла дар речи при виде человека, который воплощал собой власть Империи. Мы вошли, и нас безмолвным жестом пригласили в комнату справа от вестибюля. Внутреннее убранство дома походило на убранство резиденции мэра, то есть было дорогим и модным.

Какое-то время мы ждали. Мое сердце колотилось. Я слышала приглушенные голоса – даже в роскошных городских особняках звук хорошо разносился. Судя по тону того, что до нас доносилось, лорд Бауэр был недоволен неожиданными гостями, но, как и все, он не мог не принять нас. Вскоре с лестницы донеслись его шаги.

– Сэр Конрад, – сказал он, появившись в дверях приемной.

– Лорд Бауэр, – сказал Вонвальт, поднимаясь на ноги. Брессинджер и я тоже встали. – Благодарю, что согласились нас принять.

– Не стоит, – сказал Бауэр. Он был почти во всех отношениях непримечательным человеком – среднего роста и телосложения, с обычными волосами и чертами лица, – и поэтому его было трудно отличить от тысяч других сованских подданных. Его кожа была здорового розоватого оттенка, свойственного людям, не знавшим лишений, и он был упитаннее многих, хотя и не страдал избытком веса. Его борода была пострижена по моде, которая, как я слышала, полюбились самому Императору. Одежда его была явно дорогой.

А еще у него был изможденный вид человека, недавно перенесшего тяжелую утрату.

– Я соболезную вашему горю, – сказал Вонвальт, когда мы все сели.

– Благодарю вас, – сказал Бауэр. Он откашлялся. – Я еще не до конца смирился.

– Конечно, – сказал Вонвальт. – Это естественно.

– Я могу вам что-нибудь предложить?

– Воду, если есть; эль, если нет, – сказал Вонвальт.

– Всем троим?

– Да, благодарю. Это Дубайн Брессинджер, мой пристав; а это Хелена Седанка, мой секретарь.

– Какая увесистая у вас книга, – сказал Бауэр, кивком указывая на журнал, лежавший у меня на коленях. Книга действительно была большой, и я до сих пор ее храню. Именно благодаря таким старым журналам и моим личным дневникам я могу в точности воспроизводить те разговоры, которые произошли уже несколько десятков лет назад.

– Хелена будет записывать нашу с вами беседу, – сказал Вонвальт.

Последовала неловкая пауза.

– Правосудие, я уже говорил с шерифом города.

– А теперь вы поговорите со мной, – сказал Вонвальт.

– Как пожелаете, – сказал Бауэр. Служанка вскоре вернулась и принесла три большие кружки болотного эля.

– Вы не пьете, сэр? – спросил Вонвальт.

– Мой желудок не выносит выпивки, – ответил Бауэр. – Позвольте спросить, сэр Конрад, зачем вы пришли? Я думал, Правосудия занимаются тем, что проверяют записи в городских архивах и выслушивают мелкие жалобы простолюдинов.

Вонвальт натянуто улыбнулся.

– Я – представитель Императора, – сказал он. – Мои полномочия не имеют границ, не считая тех, что установлены самим законом. Так что убийство вполне попадает в сферу моей деятельности.

Бауэр, казалось, смутился.

– Я не хотел вас оскорбить, сэр Конрад.

– И не оскорбили.

Бауэр прокашлялся.

– Значит, вы расследуете убийство моей жены?

Вонвальт кивнул.

– С помощью сэра Радомира.

– Он подозревает меня, – со злобой сказал Бауэр. – Этот законник так же нечист на руку, как и все остальные.

Вонвальт нахмурился.

– Почему вы считаете, что сэр Радомир вас подозревает?

– Он уже давно пытается меня в чем-нибудь уличить. В каких преступлениях он только не обвинял меня раньше.

– Сэр Радомир когда-нибудь выдвигал эти обвинения в законном порядке?

– Нет. – Лорд Бауэр надулся. – Но пытался. Вы с ним уже разговаривали?

– Да.

– Несомненно, он пытался настроить вас против меня.

– Ничего подобного, – сказал Вонвальт. – Сэр Радомир – страж закона, расследующий убийство вашей жены. Вам следует проявить к нему хоть немного уважения.

– И не подумаю, – сказал Бауэр, но затем пошел на попятную. Он вдруг словно сдулся, как бурдюк с водой, который проткнули кинжалом. – Прошу меня простить, Правосудие. Я не в себе.

Повисла пауза.

– Ничего, – наконец сказал Вонвальт.

Лорд Бауэр косо посмотрел на него.

– Я слышал, что Правосудия обладают особыми способностями. Это правда, что вы можете заставить человека сознаться одним лишь резким словом?

Вонвальт помедлил.

– У меня есть определенные способности, это верно, – сказал он. – Но я не применяю их без веской причины.

– Я слышал, что вы можете говорить с мертвыми, – негромко сказал лорд Бауэр. Воздух словно сгустился и стал тяжелее. Я содрогнулась. В прошлом Вонвальт несколько раз проводил сеансы некромантии, но процесс этот был жутким, требовал незаурядного умения и отнимал массу сил.

– Возможно, нам стоит начать с начала, – сказал Вонвальт. – Расскажите мне, что произошло с вашей женой.

– Да, – сказал лорд Бауэр. – С моей дорогой женой. – Он замолчал. Мне на миг показалось, что он сейчас заплачет, однако лорд взял себя в руки. – Наталия пропала три ночи

назад. Она пошла на Портняжную улицу, чтобы посмотреть на новые ткани из Грозода. Зеленый бархат, кажется. Этот цвет сейчас в моде. – Он сделал глубокий вдох. Я была рада, что он останавливался, – паузы позволяли моей руке и кисти возможность отдохнуть от спешного царапанья пером. – Она так и не вернулась. А затем я узнал, что какой-то местный мальчишка нашел ее тело в Гейл.

Вид у Вонвальта был задумчивым.

– С ней кто-нибудь был? До исчезновения?

– Служанка, Хана. – Бауэр махнул рукой, указывая на дверь, явно имея в виду девушку, которая впустила нас и принесла выпивку. – Они были близки. – Он пожал плечами. – Ближе, чем полагается быть хозяйке и прислужнице, – прибавил он.

– Полагаю, в роковой момент Хана и леди Бауэр были не вместе? – спросил Вонвальт.

Выражение лица лорда Бауэра стало недовольным.

– От этой девки никакого проку, – сказал он. – Наталия велела ей вернуться домой и готовиться к моему возвращению. Большую часть дня я провел на пристани – дюжина человек могут это подтвердить.

– Я это учту.

– Хана оставила мою жену на Портняжной улице. Она ничего не видела. Если верить ее словам.

– Вы ее подозреваете?

Лорд Бауэр пожал плечами.

– Она говорит, что Наталия отослала ее прочь. Мне приходится верить ей на слово. Возможно, так мою жену заманили в ловушку.

– Полагаю, вы ее уже допросили? – спросил Вонвальт с нотками отвращения в голосе.

– Конечно. Но она твердит все то же, несмотря на тумачи. – Я подумала о той девушке, которая принесла нам выпивку. На вид она была на несколько лет младше меня. Мне стало жаль ее. Столь юная служанка вряд ли могла куда-нибудь уйти и была пленницей обстоятельств. Я сомневалась, что у нее рядом была родня. Если лорд Бауэр оставит ее у себя в услужении, то наверняка закрутит с ней интрижку – если уже не закрутил. А когда он наконец выставит ее за порог, она останется на милость городских приютов. Даже если в Долине Гейл подобные заведения содержались лучше, чем те, которые видела я, ее все равно ждала незавидная участь.

– Вы можете назвать лавку, в которой леди Бауэр видели в последний раз? – спросил Вонвальт.

– Нет. Сэр Радомир может. Он и его люди проводили прошлым утром расследование... только толку от этого немного.

Вонвальт помедлил.

– Сэр Радомир говорил мне, что вы подозреваете в убийстве вашей жены своего конкурента, мистера Вогта. Что вы можете об этом рассказать?

Лорд Бауэр замялся.

– В последние несколько дней я многое наговорил сгоряча, – осторожно произнес он. – Мы с мистером Вогтом – давние конкуренты. Однажды он обвинил меня в том, что я умышленно сгубил его партии зерна.

– Об этом я слышал.

– Я сразу же решил, что это сделал он. Боюсь, я поторопился.

Вонвальт нахмурился.

– Однако что-то же заставило вас с такой готовностью его обвинить? Сэр Радомир говорит, что вы были совершенно убеждены в его причастности.

– Честно говоря, Правосудие, мне больше никто не пришел в голову. В своем горе я пытался найти любое объяснение, которое имело бы хоть какой-то смысл. У меня нет врагов

– в полном смысле этого слова. В Долине жесткая конкуренция, но не настолько, чтобы мы опускались до столь ужасных мер. Мы – деловые люди, а не животные.

– И все же мне кажется странным, что вы вообще упомянули его, если он никак не связан с убийством.

– Правосудие, клянусь вам, – то был бред скорбящего человека. Связи никакой нет.

– Думаю, мы все же побеседуем с мистером Вогтом, – сказал Вонвальт.

– Как вам угодно, – угрюмо сказал Бауэр.

– Однако если мы на время исключим из наших подозрений его и тех, кто на него работает, – сказал Вонвальт, – неужели не останется никого, кто, по вашему мнению, мог бы попытаться совершить подобное?

– Совершенно никого, – сказал лорд Бауэр.

– Вы подозреваете, что произошло нечто иное? Ограбление?

– Откуда же мне знать? Я знаю лишь то, что ее больше нет.

Вонвальт тихо, недоверчиво усмехнулся.

– Весьма примечательно, милорд, что кто-то убил жену видного дворянина, причем столь грубым способом, и не оставил при этом никаких зацепок. Я столько лет служу Ордену магистратов, но ни с чем подобным не сталкивался.

Бауэр беспомощно пожал плечами.

– Я не знаю, что еще вам сказать, Правосудие.

– Хм. – Повисла долгая пауза. Затем Вонвальт сказал: – А что насчет других ваших рабочих связей? Вы ведь деловой человек, верно? Торговец?

– Верно.

– И чем именно занимаетесь?

– Перевозками. Я гарантирую доставку грузов за плату.

– Гарантируете? Каким образом? – спросил Вонвальт.

– Я возмещаю стоимость груза, если он оказывается утрачен.

– Похоже, это рискованное предприятие.

Лорд Бауэр покачал головой.

– Если подходить к делу с умом, то нет.

– И прибыльное, как я погляжу, – сухо сказал Вонвальт, демонстративно оглядывая комнату. – И в ваших делах не было никаких существенных изменений? Вы должны кому-нибудь денег?

– Нет.

– Хорошо, – сказал Вонвальт. – Прежде чем я вас оставлю, не могли бы вы рассказать мне о том, что вы делаете для города? Сэр Радомир говорил, что у вас есть какие-то обязанности в совете?

– Есть, – осторожно сказал лорд Бауэр. – Но они довольно ограниченные.

– Какие, например?

Лорд Бауэр заерзал в кресле.

– Их немного. Я помогаю организовывать некоторые благотворительные мероприятия на налоговые деньги, в качестве попечителя. Еще я помогаю церкви поддерживать приюты для бедноты. Есть и другие мелкие обязанности.

– И здесь тоже никаких затруднений?

– На ум точно ничего не приходит.

– А что насчет вашей семьи? У леди Бауэр остались дети? Я не заметил, чтобы в доме жил кто-то еще.

– У нас был сын, но он скончался от оспы несколько лет назад. Также у меня есть дочь. Она тяжело перенесла смерть своего брата и сбежала в монастырь, чтобы принять религиозные обеты. Я давно ее не видел. Все остальные дети не пережили младенчества.

– Соболезную о вашем сыне, – искренне сказал Вонвальт. – Это жестокая участь – потерять ребенка.

– А потерять ребенка и жену – еще ужаснее, – сказал лорд Бауэр. В его голосе внезапно прозвучала столь глубокая печаль, что я прониклась к нему сочувствием. – Благодарю вас за добрые слова.

– Конечно. Что ж, думаю, на этом мы закончим. Если вспомните что-либо еще, то я остановился у лорда Саутера. А пока мы продолжим наше расследование.

– Я благодарен вам за помощь, сэр Конрад.

– Тогда до следующей встречи.

– До встречи.

* * *

Прежде чем мы ушли, Вонвальт велел мне поговорить со служанкой, Ханой. Я ускользнула прочь, пока Вонвальт и Дубайн натягивали свои плащи и отвлекали лорда Бауэра. Я нашла ее на кухне, где та слонялась без дела. Служанка вздрогнула, когда я вошла.

– Ты ведь Хана? – негромко спросила я.

– Да, госпожа, – сказала она, склонив голову и присев в реверансе.

– Брось это, – сказала я, ненавидя себя за имперские интонации. – Мой господин просил тебе кое-что передать. Он беспокоится о твоём благополучии, теперь, когда ты осталась одна в этом доме. Лорд Бауэр показался нам жестоким человеком.

Хана ничего не сказала, а лишь скрутила руками юбку своего платья.

– Мы пробудем в Долине Гейл несколько недель, – сказала я. – Сэр Конрад говорит, что ты обязана сообщить ему, если лорд Бауэр начнет пытаться приставать к тебе или плохо с тобой обращаться. По законам Совы, принуждать женщину к плотским утехам против ее воли – преступление.

Она покраснела, но ничего не сказала. Впрочем, я и не думала, что скажет.

– Что ж, я передала все, что должна была, – сказала я. – И последнее. Когда ты в прошлый раз видела леди Бауэр? Лорд Бауэр говорит, что вы расстались перед тем, как она пропала.

Хана кивнула. Она начала приходить в себя.

– Леди отправила меня домой, чтобы привести его в порядок, – сказала она. – Разжечь очаги, начать готовить ужин и все такое. Я оставила ее на Портняжной улице. Тогда же я и видела ее в последний раз.

– Ты уверена? Ты не видела ничего подозрительного? За вами никто не шел, например?

– Нет, ничего, клянусь Немой, – сказала она. По ее щекам потекли слезы. Ей понадобилось все самообладание, чтобы продолжать говорить тихо. Я протянула руку и сжала ее плечо, чтобы приободрить, но заметила, что она чуть вздрогнула.

– Хорошо, – сказала я. – Все хорошо. Сейчас мне нужно идти, но ты помни о нашем разговоре, ладно?

Она кивнула, спешно утирая глаза.

– Хорошо, – сказала я, не зная, что еще сказать. С тяжелым сердцем я оставила ее и догнала Вонвальта и Брессинджера у двери.

– Идем, – сказал мне Вонвальт, когда Брессинджер распахнул дверь, впустив внутрь холод. – Нам пора.

Снаружи несколько человек бросили цветы у ворот дома Бауэра и убежали в переулки. Вдали храмовый колокол пробил час дня.

– Проклятье, – пробормотал Брессинджер, когда мы отошли достаточно далеко. – Я отчаянно надеялся, что сегодня утром мы покончим с этим делом. Мне думалось, что это он ее убил. Вам не хотелось просто прижать его Голосом?

Вонвальт покачал головой.

– Нет, – с нотками упрека в голосе сказал он. – По крайней мере, пока нет. Тебе хорошо известно, насколько ограничены возможности Голоса. Лорд Бауэр, может, и не убивал свою жену, но сэр Радомир прав: он ведет себя несколько подозрительно. Применить Голос сейчас, не разобравшись во всем подробнее, было бы неразумно. Ты слышал, как он спрашивал меня об этой силе. Его разум и так уже начеку, а примени я Голос сейчас, в будущем он сопротивлялся бы мне с двойным упорством.

Брессинджер угрюмо хмыкнул.

– Кажется, я никогда этого не пойму.

– Терпение, Дубайн, – сказал Вонвальт. – Скоро настанет время и для решительных действий. А пока нам нужно расставить сети пошире.

V

Недобрые вести

«Закон служит бдительным».
Поговорка сованских законников

Мы покинули дом лорда Бауэра поздним утром и направились в ближайшую таверну, чтобы пораньше пообедать. Местечко было довольно чистым и, учитывая, что трудовой день был в самом разгаре, почти пустым. Однако, когда мы вошли, некоторые посетители все же повернули головы, чтобы поглазеть на нас.

Большая часть таверны была заставлена деревянными скамьями, но в углу расположились и отдельные столы, разделенные перегородками. Вонвальт повел нас как раз к одной из таких кабинок, подальше от любопытных ушей. Мы сели, и через несколько секунд к нам подошел бармен.

– Милорды, – сказал он, лишь немного засомневавшись – было очевидно, что по крайней мере Вонвальт был из знатного сословия. – Для обеда еще немного рановато, но, если желаете, могу предложить вам мясную тарелку? Два пенса на троих.

– Да, благодарю, – сказал Вонвальт. – И принесите эля.

Бармен поспешил прочь. Вонвальт вздохнул.

– Хорошо. Давайте посмотрим, что нам известно. В последний раз леди Бауэр видели, когда она рассматривала грозодский бархат на Портняжной улице. Как минимум служанка, Хана, может подтвердить, что в тот вечер она была именно там. Хелена, служанка сказала что-нибудь, что противоречило бы словам лорда Бауэра?

Я покачала головой.

– Нужно поговорить с хозяином лавки, – сказал Брессинджер.

– Да, я как раз к этому и подвожу, – сказал Вонвальт. – Это первое. Также я хочу подробнее узнать, чем занимается лорд Бауэр. Не знаю, какое впечатление он произвел на вас двоих, но этот человек явно что-то скрывает. И то, что он говорил о Зоране Вогте, очень подозрительно. Сначала он обвиняет его, а затем тут же идет на попятную.

– Я вообще не понял, что он имел в виду, когда говорил, что гарантирует доставку грузов, – сказал Брессинджер.

– Да, – согласился Вонвальт. – Мне показалось, что это больше похоже на азартную игру. Лорд Бауэр делает ставку на то, что груз прибудет в целости, и после забирает деньги, которые заплатил хозяин судна. Я хочу узнать больше о том, как у него получается на этом зарабатывать. Как мне кажется, в такой схеме слишком много лазеек. Возможно, лорд Бауэр все же перешел кому-то дорогу, даже если и сам об этом не догадывается.

– Хелена и я можем расспросить людей в порту. Если у лорда Бауэра получается зарабатывать на этом деле, то наверняка найдутся и другие, кто этим занимается.

– Да, – сказал Вонвальт. – А вы заметили, как неохотно он говорил о своих обязанностях в совете?

– Он сказал, что помогает приютам и занимается благотворительностью.

– Но он говорил и о чем-то еще, – сказал Вонвальт, потирая подбородок. – Хелена, что он сказал?

Я вытащила из своей сумки журнал и нашла нужную страницу. Я сощурилась, разбирая свой торопливый, неровный почерк.

– Благотворительные мероприятия... попечитель... приюты... другие незначительные обязанности, – сказала я, перечитывая свои записи.

– Вот оно, – сказал Вонвальт, кивая. – «Другие мелкие обязанности». Интересно, что же это за обязанности такие?

– Возможно, они слишком заурядны, чтобы упоминать о них? – рискнула предположить я. В подобных беседах мне было трудно понять, приветствовались мои замечания или нет. Порой Вонвальт активно вовлекал меня и Брессинджера в обсуждение, а порой ждал, что я буду сидеть молча и впитывать все сказанное.

– Или вопрос застал его врасплох и он не хотел о чем-то проболтаться.

– Лорд Саутер наверняка знает, – сказала я.

– Да, – сказал Вонвальт. – Конечно, знает. Молодец, Хелена. – Надо признать, что такие маленькие искренние комплименты заставляли меня надуваться от гордости. – Сегодня вечером мы спросим мэра, что он знает об обязанностях лорда Бауэра. Я все равно хотел с ним поговорить.

Мы замолчали, когда трактирщик вернулся с высокими кружками эля и тарелками с ветчиной, посыпанной корицей. Также он принес квашеную капусту и теплый сырный соус с пряностями, который делали во всех уголках Империи. Трактирщик подал гораздо больше, чем обещал, – видимо, за это время он узнал, кто мы такие. Мы жадно набросились на еду.

– Удивительно, – через какое-то время сказал Вонвальт, – что дочь лорда решила уйти в монастырь. Столь суровая жизнь не подходит тем, кто может провести ее в богатстве и роскоши.

Брессинджер хмыкнул.

– Я тоже подумал, что это необычно.

– Тот монастырь показался мне достаточно богатым, – сказала я, вспоминая его высокие стены и башни. Монастырь был похож на крепость, врезанную в склон холма и возвышающуюся над Долиной Гейл. – Возможно, и жизнь там не такая суровая, как в других.

– Да уж, – кивая, сказал Брессинджер. – Учение Немы породило немало толстопузых монахов.

– Говори потише, – сказал ему Вонвальт. – Ты же представитель Короны.

Брессинджер улыбнулся и подмигнул мне. Я никогда не была истово верующей и не испытывала уважения к Учению. Но оно являлось государственной религией Империи, и Вонвальт, будучи ее агентом, не мог прилюдно говорить о нем в уничижительном тоне – и мы, его слуги, тоже не имели на это права.

– Лорд Бауэр сказал, что у него умер сын, – через полминуты молчаливого поедания ветчины сказал Брессинджер. – От оспы, и из-за этого его дочь ушла в монастырь. – Он пожал плечами. – Мало ли что горе может сделать с человеком.

– Возможно, – согласился Вонвальт. – Или, возможно, была другая причина, помимо смерти брата. Лорд Бауэр сам сказал, что она вдруг ощутила тягу к монастырской жизни. И молодежь нынче невозможно набожная – посмотри хотя бы на Клавера. Ему едва двадцать пять, и он уже важный священник.

– Священник с хорошими связями, – заметил Брессинджер.

Вонвальт отмахнулся от него.

– Я не желаю говорить об этом болване. Я и так уже не в духе. – Вонвальта будто что-то тревожило. – Впрочем, теперь, когда ты указал на это, ее поступок действительно кажется мне более чем странным. Я говорю о девушке.

– Возможно, это просто домыслы, – сказал Брессинджер, пожав плечами.

– Возможно, – согласился Вонвальт, но его голос звучал задумчиво. Он повернулся ко мне. – Ты могла бы расспросить того паренька, с которым гуляла сегодня утром. Стражника. Я покраснела.

– Мы не делали ничего предосудительного, – с жаром сказала я.

Вонвальт и Брессинджер переглянулись. Увидев их понимающие кривые усмешки, я почувствовала себя маленькой и глупой. И сразу же ощутила, как во мне просыпается Хелена из прошлого, Хелена с улицы: колючая, вспыльчивая и задиристая.

– Я и не говорил обратного, – сказал Вонвальт.

Какое-то время я не позволяла себе говорить. Вместо этого я, как ребенок, ковыряла еду и ждала, когда утихнет мой гнев. Мне понадобилось немало времени, чтобы научиться держать себя в руках, – времени и бесконечного терпения Вонвальта.

– Я не очень хорошо его знаю, – заставив себя говорить спокойно, произнесла я. – И наши дороги вряд ли пересекутся снова.

– Что ж, мы здесь по официальному делу, – сказал Вонвальт, – а молодой парнишка вроде него, состоящий в городской страже, наверняка будет держать ухо востро. Тебе не мешало бы этим воспользоваться. Выясни, не доходили ли до него какие-нибудь слухи о дочке Бауэра. Они наверняка с ней ровесники.

– Это что, приказ? – резко спросила я. И тут же пожалела об этом. Брессинджер, похоже, разозлился.

– А нужно приказать? – спросил Вонвальт.

Я ворочала на тарелке мою ветчину.

– Нет, – сказала я. – Я живу, чтобы служить.

– И я почти тебе поверил, – пробормотал Вонвальт, посмеиваясь над моим колючим ответом. Я заметила, как он подмигнул Брессинджеру, прежде чем снова принялся за еду, но затем нас всех отвлекла внезапно распахнувшаяся дверь трактира.

– Это еще что? – пробормотал Брессинджер. Стоявший в дверях парнишка явно был гонцом и, судя по ливрее, принадлежал одной из тех организаций, что обладали сверхъестественной способностью разыскивать людей. Он увидел, что мы сидим в углу, и сразу же направился к нам.

– Спокойно, – негромко сказал Вонвальт, когда Брессинджер собрался встать. Он повернулся к гонцу. – Вы ищете меня?

– Прошу прощения, милорд Правосудие; извините, что прерываю ваш обед. Но у меня для вас срочное письмо. – Он протянул запечатанный конверт без подписи. Я не смогла разглядеть герб на восковой печати, но по цвету и по ленте поняла, что письмо отправил другой имперский чиновник – возможно, даже другой Правосудие. Вонвальт нахмурился, забирая послание. Ему нередко приходили срочные письма, но на этот раз он точно ничего не ждал.

– Благодарю, – сказал он гонцу, и тот ушел. Вонвальт сломал печать и быстро просмотрел содержимое письма.

– Что там? – не сдержавшись, спросила я.

Вонвальт ответил не сразу. Он сложил письмо и сунул его себе в карман. Вид у него был озабоченный.

– Похоже, у нас возникли проблемы.

– С делом Бауэра? – спросил Брессинджер.

– Нет, – сказал Вонвальт. – С государственными делами. – Он огляделся, но рядом не было никого, кто бы мог нас подслушать. Тем не менее, когда Вонвальт снова заговорил, он все равно понизил голос: – Это письмо отправила Правосудие Августа. Она в Гуличе, ближе, чем я думал. Судя по всему, то, как я... обошелся с патре Клавером в Рилле, привело к гораздо большим неприятностям, чем можно было ожидать.

– «Чем можно было ожидать»! – проворчал Брессинджер. – Вы знали, какие у него политические связи. Нема тому свидетельница, он сам вам об этом столько раз говорил.

Вонвальт стиснул зубы, словно их свело от раздражения.

– Правосудие Августа говорит, что Клавер нашел союзника в маркграфе Вестенхольце. Эти двое, судя по всему, хорошие друзья.

Вестенхолц был могущественным человеком, лордом Моргарда и известным в политических кругах смутьяном. Несколько недель назад мы проезжали через Моргард – крепость была самой северной точкой нашего маршрута, – но тогда маркграф отсутствовал, и мы не стали задерживаться там.

– Вести распространяются быстро, – сказала я. – Моргард и Гулич расположены совсем не близко.

– Августа умеет говорить с животными. Это одна из ее способностей. Полагаю, что по северу уже давно летают одна или две ее птицы, – сказал Вонвальт и помедлил. – Она уделяет много внимания политическому положению Ордена.

– И вам бы тоже не мешало его уделять, – сказал Брессинджер.

Я ожидала, что Вонвальт осадит пристава, но он лишь раздраженно посмотрел на него.

– Ну и что с того? – наконец сказала я. – Вестенхолц может идти лесом. Вы же Правосудие.

– Вестенхолц имеет влияние на млианарских патрициев в Сове, – мрачно сказал Вонвальт. – Млианарские патриции же имеют влияние на саварских храмовников.

Мне были знакомы все эти имена, и ни одно из них не означало ничего хорошего. Млианарские патриции были могущественной фракцией сованских аристократов, которые исторически выступали против династии Хаугенатов, последними представителями которой были внуки императора Кжосича IV. Саварские храмовники были воинственным Орденом ортодоксальных неманцев, которые своими нерегулярными походами против неверных расширяли южные границы Империи в землях Пограничья. Эти две группы на протяжении веков были связаны традициями, деньгами и землями, и сейчас они вместе вернулись к жизни на политической арене.

– Похоже, патре Клавер продвигал интересы саварцев гораздо дольше, чем говорил в Рилле. Он объездил всю Империю, упрасывая лордов расстаться с землями, деньгами, сыновьями и дочерьми ради очередного похода на юг. Августа обеспокоена этим и считает, что поход на юг может с легкостью превратиться в поход на север.

– Она что, считает, будто храмовники пойдут войной на Сову? – спросила я. – Зачем? Вонвальт пожал плечами.

– Сова уже много раз сталкивалась с вооруженными восстаниями. Млианары – смутьяны, жаждущие власти. Достаточно посмотреть лишь на недавнее прошлое Совы, и ты увидишь, что происходит, когда жаждущие власти смутьяны заключают союзы с армиями фанатиков.

Я втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

– Вы одним махом нажили себе слишком много врагов.

Теперь Вонвальт раздраженно посмотрел уже на меня.

– Да уж.

– *Nyiza*, – Брессинджер выругался по-грозодски и легкомысленно пожал плечами. – Ну и что? Подумаешь, кто-то задел гордость Клавера. Видит Нема, он давно на это напрашивался. Хелена права, вы – Правосудие. Что он сделает? Попытается поквитаться с вами из-за столь мелких обид? Выступить против вас – значит выступить против самого Императора.

– Вот только... – начал Вонвальт, и у меня внутри все сжалось. Мне всегда было спокойнее думать, что власть Вонвальта абсолютна. Услышать от него самого, что у нее есть свои пределы, было крайне тревожно. – Судя по всему, Орден магистратов впал в немилость у Императора. Ни для кого не секрет, что неманцы уже несколько лет болеют о том, чтобы силы Ордена вернули Храму. Пропали моя вера, даже Клавер об этом не умолкал. А магистру Кейдлеку хватило глупости предложить, чтобы взамен Орден оставили в покое. Императору не понравилось, что Кейдлек пошел на уступки.

Какое-то время я, потрясенная, сидела молча.

– Император не может рассориться одновременно и с млианарами, и с Орденом, – пробормотал Брессинджер. – Это же два из трех Сословий Империи, а третье возглавляет он сам. Так у него закончатся союзники.

– Именно, – сказал Вонвальт и вздохнул. – Из письма ясно, что Правосудие Августа сильно встревожена, и это неудивительно. На власть Ордена уже давно смотрят с завистью. Я всегда придерживался мнения, что когда-нибудь сочетание определенных обстоятельств ограничит влияние Ордена, а вместе с ним и верховенство общего права. Хотя Император и трудный человек, он всегда доверял своим магистратам надзор за соблюдением законов. Если к власти придет некто вроде Вестенхольца или, упаси небеса, какой-нибудь неманец, Аутуну придет конец.

– Но ведь до этого еще далеко? – с надеждой спросил Брессинджер.

– Посмотрим, – ответил Вонвальт, что совсем не обнадеживало. Он вздохнул и снова сел прямо – во время разговора он чуть подался вперед. Затем Вонвальт заговорил уже обычным голосом: – Как бы там ни было, сейчас мы ничего не можем с этим поделать. Идемте, пора приниматься за свои обязанности. Чем скорее мы покончим с делами здесь, в Долине, тем скорее сможем заняться более важными.

VI

Торговые гарантии

«Мало что в нашей жизни вызывает столь же твердую уверенность, как то, что человек пойдет на немыслимые ухищрения, лишь бы получить деньги из ничего».

Философ и юрист Фрэнсис Герехт

Мы быстро закончили обедать и, снова ощутив, что действовать нужно безотлагательно, расстались на выходе из трактира. После письма Августы меня охватило неутолимое любопытство, но я с большим успехом смогла бы выдавить кровь из камня, чем выпытать что-либо еще у Вонвальта. Впрочем, мне не стоило беспокоиться: в недалеком будущем я стала молить богов, в которых не верила, чтобы получить вести хоть о чем-то – о чем угодно – другом.

Вонвальт хотел отправиться в здание суда и заявить о себе, причем поскорее – кому-то уже могло показаться, что, не появляясь там, он показывает свое пренебрежение. Поскольку наш хозяин был занят, Брессинджер решил, что мы с ним отправимся на пристань.

Мы пробирались по холодным, покрытым талой слякотью улицам к лесу мачт, который я видела перед этим. Воздух наполняли крики матросов и докеров, а улицы были загружены торговыми повозками. Стражников и констеблей здесь было предостаточно, и они внимательно приглядывали за драгоценной жемчужиной города.

Мы вышли из-за угла большого склада. За ним находился порт. Он был не самым большим из всех, что я видела, – это звание принадлежало Имперской морской верфи в Моргарде, – но он точно оказался самым загруженным. На воде теснились торговые когги и суда поновее – каракки, некоторые из них были высотой с трехэтажный дом. Качаясь на волнах, они скрипели и стонали натянутыми, набухшими от воды снастями. Многие корабли стояли под флагами Аутуна, но были и другие, над которыми развевались диковинные флаги далеких, не входящих в состав Империи стран, о которых я почти ничего не знала.

Воды порта были такими же коричневыми и вонючими, как и питавшая их река. Судя по всему, сюда выходила городская канализация. Если в гавани Моргарда пахло морской солью, то здесь, несмотря на холод, от воды разило дерьмом. Мы шли по краю пристани, стараясь не путаться под ногами рабочих, разгружавших и загружавших корабли.

Чуть дальше на пристань выходили фасады нескольких питейных заведений, и мы нырнули в первое попавшееся. Оно мало походило на таверну, в которой мы только что обедали. Пол покрывали тростниковые циновки, от которых воняло прокисшим пивом, а единственный зал был забит длинными столами на козлах из дешевого дерева. В заведении яблоку было негде упасть, и среди посетителей, снося хамство и распускание рук, сновали многострадальные женщины с подносами болотного эля.

– Мадам, – обратился Брессинджер к проходящей мимо работнице. Грозодский акцент и черты лица пристава выделяли его из толпы хаунерцев.

– Да? – спросила она, смерив Брессинджера взглядом с головы до ног. Скорее всего, увидев его богатую одежду, она стала прикидывать, сколько денег сможет с него содрать.

– Я хочу поговорить с торговцем, который занимается гарантированием грузов, – сказал Брессинджер и достал из кошелья гроут. – Не привлекая лишнего внимания.

Женщина потянулась было за монетой, но Брессинджер ловко отвел руку в сторону.

– Отдам после того, как поговорю с ним.

Женщина, казалось, обиделась.

– Стол в самом конце, – сказала она. – Там ведутся дела. – Она прищурилась, глядя в ту сторону и не обращая внимания на подзывавших ее посетителей. Затем она указала на муж-

чину, сидевшего с краю стола. – Я точно знаю, что мистер Лоренц занимается чем-то подобным. Но подробности мне неизвестны.

– Благодарю, – сказал Брессинджер и, вопреки собственным словам, отдал ей монету.

Мы подошли к мужчине, на которого она указала. Тот пил в одиночестве и просматривал какие-то бумаги. Окинув взглядом длинный стол, я увидела, что остальные торговцы сидели точно так же, все с одной стороны. Двое из них вели переговоры с капитанами кораблей. У стены стояли несколько вооруженных верзил. Они настороженно смотрели на нас.

– Мистер Лоренц? – спросил Брессинджер.

– Да? – почти приветливо ответил мужчина. На вид он был грозодцем, смуглым, одетым в дорогой красно-желтый дублет из овечьей шерсти. Его шапочку венчало большое перо какой-то диковинной птицы – какой именно, я понять не могла. Минуту или две он и Брессинджер говорили на грозодском, болтали и смеялись, словно знали друг друга всю жизнь, пока Брессинджер наконец не вытащил грамоту, подтверждающую его полномочия.

– Я – представитель Короны, – теперь Брессинджер заговорил на старом саксанском, чтобы я могла его понять. – Я бы хотел задать вам несколько вопросов.

Лоренц внимательно изучил грамоту.

– Я уже слышан о вашем господине, – сказал он, тоже перейдя на саксанский. – Могу вас заверить, что мои сделки честны и прозрачны и все налоги я уплачиваю в срок. Вы можете проверить документы в здании суда.

Мы с Брессинджером сели.

– Я пришел не за этим, – сказал Брессинджер. – И не для того, чтобы заключить с вами сделку. Я бы хотел, чтобы вы мне кое-что объяснили – простыми словами, как если бы говорили с дураком.

Лоренц приподнял бровь.

– Постараюсь сделать все, что смогу. Я – верный подданный его величества. – Я заметила, как он едва уловимым жестом приказал одному из верзил расслабиться.

– И вы никому не расскажете о нашем разговоре, – предупредил Брессинджер.

Лоренц понимающе склонил голову.

– Сегодня утром мы беседовали с лордом Бауэром, – понизив голос, начал Брессинджер. – Он поведал нам о своем деловом предприятии. О том, что он гарантирует грузы в обмен на плату.

– Такая практика встречается довольно часто в других частях света, – сказал Лоренц. – В ней нет ничего противозаконного.

– Меня интересует не ее законность, – нетерпеливо сказал Брессинджер. – Я хочу понять, как именно это работает.

– Как вам угодно, – сказал Лоренц. Он оглядел стол, взял стакан и кружку и поставил их перед собой. – Представьте, что мне нужно отправить груз ткани из Лиендау в Венланд. Как я могу это сделать?

– Я не торговец, – мрачно сказал Брессинджер. – География Империи меня мало интересует.

– Ясно, – сухо ответил Лоренц. Я подавила желание улыбнуться. – Я мог бы отправить его на восток, пройти между Лотгаром и Гвородской степью, затем выйти к Нефритовому морю. Или я могу пройти по реке Треба, миновать Хассе и герцогство Ковоск. Если груз слишком тяжел, я могу отправиться в сторону Денхольца, пройти на юг мимо Грозода, затем выйти к Гралльскому морю. Три совершенно разных маршрута, и у каждого – свои риски. Я могу столкнуться с северянами или пиратами, корабль может налететь на камни, в море нас может застать шторм, а в реке мы можем сесть на мель... ну вы меня понимаете.

– Да, – сказал Брессинджер.

– Многие корабли пройдут, и с ними ничего не случится, но некоторым не повезет. Каждый рейс, в который отправляется корабль, может стать для него последним.

– Это понятно.

– Давайте представим, что мы все же решили отправить груз из Лиендау. Торговец заплатил за груз двадцать крон.

Я выпучила глаза. Двадцать крон за трюм ткани! Это была невероятная сумма. Неудивительно, что недавно возникший класс торговцев мог позволить себе строить огромные дома из дерева и кирпича, со стеклянными окнами и множеством очагов.

– Если корабль утонет, то торговец потеряет эти деньги, – сказал Брессинджер. – Это я понимаю.

– Верно, – сказал Лоренц. – Поэтому, чтобы... *снизить* убытки, торговец заплатит человеку, занимающемуся гарантированием грузов.

– Он заплатит ему двадцать крон? – спросил Брессинджер.

– Нет! – Лоренц рассмеялся. – Это было бы равносильно тому, что корабль пошел на дно. Как бы ни завершился рейс, торговец все равно потеряет двадцать крон. Нет, вместо этого он заплатит лишь *часть* суммы, которая рассчитывается с учетом всех различных рисков: времени года, маршрута, самого груза, состояния судна, охраняется ли оно вооруженным отрядом и так далее.

– Значит, сэр Конрад был прав; это занятие сродни азартным играм.

– Да, если Правосудие сделал такое сравнение, то он недалек от истины. Гарант делает ставку на то, что корабль доберется до пункта назначения в целости и сохранности, и, если это происходит, он забирает уплаченные деньги себе. Торговец же, при условии, что он соблюдает условия договора – например, он не должен отклоняться от согласованного маршрута, – покупает себе душевное спокойствие, поскольку, если с судном что-то случится, гарант возместит ему его стоимость. Иногда гарант может даже заслать на корабль своего шпиона, чтобы убедиться, что оговоренные условия перевозки соблюдаются. Я знал и конную эстафету гонцов, которая подряжалась на такую работу.

– Ясно, – сказал Брессинджер. – По-моему, гарант получает деньги ни за что.

Лоренц подмигнул.

– Вам так кажется, мой друг, потому что большую часть времени так и есть. Однако эта торговая сделка ничуть не отличается от других, и ее заключают деловые люди, которые держат руку на пульсе жизни. Как я и сказал, в этом нет ничего противозаконного.

– И именно этим занимается лорд Бауэр?

– Да. Он не единственный, кто предоставляет подобную услугу, но, насколько мне известно, он за короткий срок сколотил на таких сделках огромное состояние.

Я заметила, что один из торговцев, сидевших с нами за столом, вслушивается в наш разговор, хотя мы и говорили тихо. Я несильно ткнула Брессинджера в бедро.

– Я знаю, – тихо сказал он мне, а затем снова повернулся к Лоренцу. – Благодарю, что уделите нам время, мистер Лоренц. Я больше не стану вас отвлекать.

Торговец склонил голову.

– Я всегда рад оказать услугу Императору.

Мы вышли из трактира. Даже холодный воздух пристани с его тлетворным душком показался мне приятнее стоявшего в таверне зловония. Мы быстро пошли обратно, двигаясь той же дорогой, и остановились лишь для того, чтобы Брессинджер мог спросить у прохожего, как пройти на Портняжную улицу.

– Что думаешь? – спросил он, когда мы зашагали по слякоти.

– Думаю, что все ясно, – сказала я. – Сэр Конрад раньше уже рассказывал о сложных денежных махинациях, которые проводятся в Сове.

– Ага, – ответил Брессинджер. – И чего только люди не придумают, когда появляется возможность заработать денег. – Мы миновали двух стражников в ливреях, и на лице Брессинджера появилась ехидная ухмылка. – Ты, наверное, ждешь не дожدهшься, когда снова увидишься со своим кавалером?

– Никакой он мне не кавалер! – огрызнулась я, прекрасно осознавая, что именно такой реакции он и добивался.

– Пока еще нет, – согласился Брессинджер. – Только я видел, как ты смотрела на него вчера. Я же тебе говорил – такой парнишка тебе неровня. Ты же состоишь на службе у Императора.

– Уж лучше бы не состояла, – буркнула я.

Брессинджер внезапно остановился и резко повернулся ко мне.

– Думай, что говоришь! – прошипел он. – Глупая девчонка. – Я совершенно опешила; Брессинджер часто бывал угрюм, но его настроение редко менялось так внезапно и столь кардинально. Думаю, он и сам себе удивился, потому что я сразу же прочла на его лице сожаление. Пристав смягчился. – Нельзя тебе так трепать языком, – немного лицемерно сказал он. – Особенно так близко к Гуличу.

– Критиковать Императора не преступление, – сказала я.

– Да, но только на словах, – сказал Брессинджер. – Ты ведь слышала, что он за человек.

– Хм, – недовольно промычала я.

Брессинджер выпрямился и огляделся.

– Мы – его представители, – сказал он. – Ты не можешь так говорить, особенно на людях. И вообще, Хелена, подумай, что бы почувствовал сэр Конрад, услышь он от тебя такое?

Вот Брессинджер и назвал настоящую причину, почему он так быстро и так сильно вспылел. Ему не было дела до того, что я оскорбила Императора, – Нема тому свидетельница, он и сам частенько делал то же самое.

Я вздохнула, постепенно остывая, и сказала:

– Я знаю. – Чувствовала я себя отвратительно, и, должно быть, это отразилось на моем лице, потому что Брессинджер подошел и положил руки мне на плечи.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал он. – Ты молода, тебе не сидится на месте, и тем, что тебе пришлось пережить в юности, мог бы гордиться сам князь Преисподней Казивар. Но не позволяй своим порывам загубить тебя. Под покровительством сэра Конрада тебя ждет жизнь, полная богатства и привилегий.

– А что, если мне не нравится наша работа? – Эмоции переполнили меня и вместе со словами выплеснулись через край, как пена из наскоро налитой пинты. Мне внезапно захотелось плакать от злости, досады и стыда.

Брессинджер не смог скрыть охватившую его тревогу – у него было слишком выразительное лицо. Но, учитывая, насколько близки мы стали за эти два года, он должен был ослепнуть, оглохнуть и отупеть, чтобы не заметить, как сильно за последние несколько месяцев изменился мой настрой.

– Но ведь ты все схватываешь на лету, – с убеждением сказал он. – Только вспомни, с чего ты начинала. – Он огляделся, словно ища правильные слова в холодном воздухе вокруг нас. – Я не должен тебе этого говорить, но сэр Конрад мне все время тебя нахваливает. Он гордится тобой так, как гордился бы любимой дочерью.

Я не хотела этого слышать. Он не сказал ничего, чего я бы не знала. Я прекрасно осознавала, как Вонвальт ко мне относится и что он чувствует по отношению ко мне. Именно из-за этих чувств – из-за его гордости, его отеческой любви и желания видеть, как я добиваюсь успеха и становлюсь лучше, – я и испытывала такие душевные муки. Я уже объездила гораздо больше уголков Империи, чем доводилось увидеть большинству. И я видела ту нищету, в которой это большинство жило. Проклятье, да я и сама столько лет провела в Мулдау, живя

в холоде, неуверенности и страхе. Брессинджер был прав; мне нужно было лишь продолжать трудиться, и когда-нибудь меня отправили бы в Орден, чтобы я закончила там обучение и сама стала Правосудием.

Однако я просто не могла с этим смириться. Я считала работу законника кропотливой и в основном нудной. Посвятив себя ей, я могла превратиться в кого-нибудь вроде Вонвальта – сурового, мучимого своей некромантией, вынужденного иметь дело с людьми вроде сэра Радомира и патре Клавера и наводящего ужас на простых людей. Его жизнь, проводимая в странствиях, казалась мне немного печальной, ведь он был лишен любви хорошей женщины и места, которое мог бы назвать домом. И чем дольше я сама так жила, тем больше мне хотелось освободиться. Пусть у Вонвальта были богатства и привилегии, но ни то ни другое не приносило ему счастья.

– Брось, Хелена, – осторожно сказал Брессинджер, пытаюсь определить источник моего недовольства, подобно рыбаку, который забрасывает леску в мутный омут. – Мужчины Совы не похожи на мужчин из провинций. Говори об Аутуне что хочешь, но с женщинами они обходятся как с равными. Ты сможешь найти там множество достойных кавалеров. Мужчин, с которыми ты сможешь раскрыться и которые будут тебя уважать.

– Хорошо, Дубайн, – сказала я, раздосадованная, расстроенная и стремящаяся поскорее закончить этот разговор.

– Ты ведь еще не прыгнула в постель к тому пареньку? – внезапно спросил Брессинджер.

– Нема! – выругалась я. – Да когда бы я успела? Мы и пяти минут в Долине не побыли! – Брессинджер продолжал смотреть на меня с каменным лицом. Я стиснула зубы. – Нет, а даже если бы и прыгнула, то это было бы не твоего ума дело!

– Смотри, чтобы и дальше ни-ни, – строго сказал Брессинджер, которого ничуть не смутило мое возмущение. – Если он тебя обрюхатит, сэру Конраду придется найти себе нового секретаря, и будет уже не важно, захочешь ты остаться или нет.

Он отвернулся и пошел дальше в сторону Портняжной улицы. И я была рада тому, что он ушел, – если бы Брессинджер остался, то я наговорила бы ему такого, отчего вылетела бы из услужения Вонвальта и безо всякой беременности.

* * *

Лавку на Портняжной улице мы нашли только с третьей попытки, поскольку портных, швей и разнообразных торговцев тканями там было хоть пруд пруди. Владелец лавки был суетлив, носил очки и явно сделал удачную ставку на грозодский бархат – торговля у него шла очень бойко. Его лавка была набита женами состоятельных торговцев и их служанками так же, как таверна на пристани любителями выпить.

Торговец был измотан, наши имперские грамоты его ничуть не впечатлили, и мы слишком долго выуживали из него ответы. Его уже допрашивали люди сэра Радомира, и он смог лишь подтвердить, что леди Бауэр посетила его лавку вместе с Ханой, что они выбирали бархат и что леди Бауэр велела Хане уйти прежде, чем ушла сама. Когда мы снова вышли на Портняжную улицу, день уже клонился к вечеру. Солнце висело так низко, что почти спряталось за гряды Толсбургских Марок, а талая слякоть на улицах уже снова начала замерзать. Словно и этого было мало, тучи снова затянули небо, и в воздухе закружились снежинки, гонимые пронизывающим ветром.

Мы поспешили вернуться в резиденцию лорда Саутера. Вонвальт уже был там. Я надеялась, что мы успеем еще немного обсудить содержимое письма Правосудия Августы, однако сразу же услышала, что Вонвальт с кем-то разговаривает. По-видимому, лорд Саутер уже вернулся. Брессинджер и я скинули с себя плащи, Брессинджер снял свой меч, а затем слуга провел нас в главную приемную – уютную, теплую комнату, обставленную дорогой мебелью.

– А, вот и вы, – сказал Вонвальт, когда мы оказались в дверях. Тепло постепенно возвращалось в мою кровь, и мое лицо покалывало с мороза.

– Добро пожаловать в мой дом, – сказал грузный лысый мужчина, который, по всей видимости, и был мэром. – Сэр Конрад рассказал мне о вас двоих. Вы, должно быть, Дубайн и Хелена.

Мы поклонились.

– Сир, – сказал Брессинджер.

– Проходите, садитесь, – сказал Саутер. Он показался мне приятным человеком, а не суровым, как я ожидала. Я сразу же поняла, почему люди вроде сэра Радомира его недолюбливали. Несмотря на его добродушие, мэр все время нервничал, и было легко представить, как его осаждают властные торговцы и лорды, каждый из которых пытается склонить его к своей воле.

Мы сели. Нам предложили еду и выпивку. Я увидела, что Вонвальт пьет вино – горячее и со специями, – и потому мы с Брессинджером оба благодарно согласились выпить. Однако правила этикета обязывали меня, несмотря на урчание в желудке, отказаться от еды, поскольку ни Саутер, ни Вонвальт не ели.

– Мы как раз собирались обсудить убийство леди Бауэр, – сказал Вонвальт, и я поняла, что мы с Брессинджером пропустили лишь пустую болтовню в начале разговора.

– Да, да, – сказал лорд Саутер, заламывая свои пухлые руки. – Страшное дело. Вся Долина потрясена. И ни одного подозреваемого.

– Вы правильно сделали, что поспешили сообщить мне об этом деле, – сказал Вонвальт, отпив вина. – Хотя шериф Радомир впечатлил меня своим ревностным стремлением к поддержанию законности и правопорядка.

Лорд Саутер чуть поджал губы, услышав имя шерифа.

– Ревностным – это вы верно подметили, – сказал он и немного поерзал. – Откровенно говоря, Правосудие, я был рад слышать о вашем приезде. Вы слывете просвещенным и мудрым человеком. Сэр Радомир же, хотя и стал дворянином в силу своей должности, так и остался грубым и неприятным типом.

– Очевидно, друзьями вас не назвать.

Лорд Саутер вздохнул.

– По правде говоря, сэр Радомир сохраняет свой пост лишь благодаря моему покровительству, хотя он сам и не знает об этом. Он успешно следит за соблюдением законов; даже слишком успешно, по мнению некоторых, если вы меня понимаете.

Вонвальт утвердительно склонил голову.

– Он мне не друг, это вы точно сказали, но порой ради общего блага нам приходится быть выше личной неприязни. Преступность следует за деньгами как хвост за собакой, а в Долине Гейл денег очень много. Чтобы поддерживать порядок в подобном месте, нужны люди определенного склада характера.

Вонвальт был впечатлен.

– Столь самоотверженная позиция достойна восхищения, – сказал он. – Немногие на моей памяти поступили бы так же. Тщеславие слишком часто берет верх над здравым смыслом.

Комплимент был приятен Саутеру, но он мог принять его лишь усталым пожатием плеч.

– Рейхскриг породил множество злодеев, сэр Конрад, и злодеи эти с тех пор стали дворянами. Но наличие благородного титула не делает никого благородным человеком.

Вонвальт печально улыбнулся.

– Я прежде слышал о Долине Гейл, – сказал он, – но город не всегда слыл крупным торговым узлом.

– Нет, он стал таковым лишь в последние лет десять, с тех пор как построили новую пристань. Все дело в глубине русла Гейл. Новые морские карраки – чудо, а не суда, они могут

перевозить много тонн грузов, но им нужны глубокие воды, иначе они не пройдут. Гейл, в отличие от других рек, достаточно глубока, чтобы они могли по ней пройти. И течет она почти до самой Совы. Все это приносит просто ошеломительный объем денег. До того как я стал мэром Долины, я и в глаза не видел золотой кроны; теперь же карраки еженедельно привозят сюда грузы стоимостью в сотни крон. Даже с низкими акцизными сборами казна практически переполнена.

– Вы направляете эти деньги на работы?

Саутер кивнул.

– Мы можем поддерживать стены города и все башни в очень хорошем состоянии и оплачивать снаряжение, вооружение и содержание большого гарнизона стражников. Вы ведь уже видели здание суда?

– Видел. Здание новое и в сованском готическом стиле. Должно быть, оно стоило небольшого состояния.

– Верно, и оно полностью окупилось. Практика торгового права у нас просто расцвела.

– Я рад это слышать. Все, что я видел, не вызвало у меня ни малейших замечаний – а мои спутники могут подтвердить, как редко я это говорю.

– Это воистину высокая похвала, – сказал Брессинджер, и мы все рассмеялись.

– Осмелюсь сказать, что, не случись убийства леди Бауэр, мне было бы здесь совсем нечем заняться, – сказал Вонвальт, и безрадостный настрой быстро вернулся, подобно мокрому одеялу, наброшенному на огонь.

– Да, – сказал Саутер. – Мы были сильно потрясены. В Долине, конечно, случаются убийства, как и в любом городе, но чтобы жену лорда... Это неслыханно.

– Именно, – сказал Вонвальт. – Сегодня утром я поговорил с лордом Бауэром, и мы уже опрашиваем свидетелей совместно с людьми сэра Радомира. Подобные преступления необходимо расследовать быстро, чтобы была хоть какая-то надежда то, что правосудие свершится.

– У вас есть предположения, кто мог это совершить? – с надеждой спросил Саутер.

– Нет, – просто ответил Вонвальт. – Но дело уверенно продвигается. Вы, наверное, понимаете, что, добросовестно проводя расследование, мне приходится держать кое-какие детали в тайне.

– Конечно, конечно, – ответил Саутер. – И ваши... способности помогут с расследованием?

– Помогут, – сказал Вонвальт, – если возникнет необходимость их использовать.

Саутер на мгновение открыл и закрыл рот.

– Мистер Макуиринк сказал, что вы не стали применять к убитой некромантию?

– Не стал, – терпеливо сказал Вонвальт. – Обстоятельства были далеки от идеальных. Каким бы могущественным инструментом ни была некромантия, боюсь, для того чтобы она сработала, многое должно сложиться нужным образом.

– Н-например?

Вонвальт поджал губы.

– Если человек был хорошо расположен ко мне, если он был убит чисто и недавно и если голова более-менее цела, тогда я могу поговорить с ним, как сейчас говорю с вами.

Саутер не сдержался и содрогнулся.

– А если нет?

– Бросьте, лорд Саутер, мы так приятно проводили вечер. Мне бы не хотелось его портить, – мягко сказал Вонвальт.

– Тогда не расскажете ли о других своих способностях? – не унимался Саутер. Он нарушал все правила приличия, но Вонвальт видел в мэре союзника и, будучи в хорошем настроении, не стал ему отказывать.

– У меня их лишь две; вторая – это Голос Императора. Большинству Правосудий хватает сил только для поддержания двух способностей. Даже Магистр Кейдлек, насколько мне известно, владеет лишь тремя. Некромантия встречается реже всего, и, как следствие, практикуют ее немногие. Однако, как я уже говорил, в большинстве случаев нам хватает власти, данной нам Императором, и могущества общего права.

– Но не в этом случае?

– Еще посмотрим.

Саутер неуверенно заерзал.

– Конечно, убийство могло быть и случайным, – сказал мэр, пытаясь хоть как-то себя успокоить. – Например, ограбление пошло не так, как планировалось.

– Возможно, – согласился Вонвальт. – Такое случается довольно часто. Кстати, я был бы вам признателен, если вы предоставите моей помощнице список членов совета и их обязанностей, как основных, так и второстепенных.

Глаза Саутера чуть расширились.

– Неужели вы подозреваете кого-то из совета?

Вонвальт отмахнулся.

– Нет, эти сведения нужны мне как представителю Империи, в рамках моих обычных обязанностей и текущих дел.

Саутер с облегчением поверил в ложь.

– Как пожелаете. Такие списки хранятся в моем кабинете. Я с радостью сделаю для вас копию.

– Благодарю, – сказал Вонвальт.

– И, естественно, мой кабинет в вашем распоряжении, – прибавил Саутер.

– Я знаю, – ответил Вонвальт. Он выглянул в окно. Дневной свет уже окончательно померк, и тьма снова окутала город. По стеклу постукивали хлопья снега. – Уже поздно. Я вас сильно задержал, – сказал он Саутеру и встал.

– Пустяки, сэр Конрад, – быстро сказал мэр, тоже поднимаясь. – Вы хорошо устроились? У вас есть все, что необходимо?

– Да, – ответил Вонвальт. – Если позволите, сэр, сегодня вечером я поужинаю в своей комнате. Мне нужно заняться кое-какими делами, и это займет несколько часов. Вы не прикажете принести мне свежих свечей?

– Конечно.

– Моей помощнице они тоже понадобятся, – прибавил Вонвальт, и я пала духом, хотя и ожидала этого. Вонвальт наверняка хотел, чтобы я просмотрела журнал, который получила в здании стражи. Я же надеялась, что он займется этим сам.

Саутер согласно кивнул.

– Что ж, хорошо. На этом все. Спокойной вам ночи, – сказал Вонвальт.

– Спокойной ночи, – сказал Саутер. Мы простились с ним и поднялись вверх, где нас ждало длительное ночное чтение.

VII

Полуночная погоня

«Покушение на жизнь представителя государства есть покушение на само государство.

Все, что мешает законному, размеренному течению жизни цивилизации, должно искореняться без колебаний».

Правосудие Иоганн Кейт

Что-то разбудило меня посреди ночи. Я закончила читать лишь несколько часов назад, и мои глаза еще не успели отдохнуть.

Я оглядела комнату. После пробуждения я всегда несколько секунд собиралась с мыслями. За последние два года мы останавливались во множестве различных мест, так что я привыкла, просыпаясь, несколько мгновений не понимать, где нахожусь, – насколько к этому вообще можно было привыкнуть.

В тот раз я спала необычайно крепко, и мне понадобилось больше времени, чем обычно, чтобы узнать дорогое убранство дома лорда Саутера. Снаружи все еще было темно. Понять, который час, у меня не получилось, но я увидела тусклый отблеск лунного света, озарявший штукатурку у занавесок.

По тому, как прогнулась кровать, и по доносившемуся из-под одеяла запаху перегара я поняла, что когда-то среди ночи в комнату вернулся Брессинджер. Удивительно, но он не разбудил меня. Я повернулась, чтобы посмотреть на пристава – у меня вошло в привычку проверять, не болен ли он, причем делала я это как для его, так и для моего собственного блага. К своему удивлению, я увидела, что его глаза открыты и он смотрит в потолок.

– Дубайн? – прошептала я. Он был теплым, и, хотя выглядел так, будто его высекли из камня, чутье подсказывало мне, что он не мертв – хотя, видит Нема, в тот миг он очень походил на мертвеца. Несмотря на оклик, он не пошевелился. Я продолжала сверлить его взглядом, и он наконец тихонько помотал головой.

Я не поняла намека.

– Дубайн? – настойчиво позвала я. Он снова помотал головой, на этот раз энергичнее. Я совсем не понимала, чего он хочет.

– Дубайн! – прошипела я. На этот раз пристав чуть пошевелился.

– Да закрой же ты рот и, ради Немы, не шевелись, – прошептал он сквозь стиснутые зубы.

Я возмущенно отшатнулась. Повернувшись на бок, я приподнялась на локте и посмотрела на него.

– Не смей так со мной гово... – начала было я, и тут же, к моему невероятному удивлению, Брессинджер извернулся, как испуганный кот, и сильно оттолкнул меня обеими руками.

Я слетела с кровати и с изяществом мешка с дерьмом хлопнулась на холодные деревянные половицы.

– Да что ты, Казивар тебя подери, творишь? – завопила я, вскакивая на ноги. Я была вне себя и собиралась наброситься на него, когда увидела, что меня уже кто-то опередил. Брессинджер метался по кровати как одержимый. Он что-то сжимал в левой руке, и несколько секунд мне казалось, что это ремень. Лишь когда пристав перекатился на другую сторону кровати и приложил тварь головой о стену, я поняла, что это змея.

Меня передернуло от отвращения и затошнило. Я пришла в ужас при мысли о том, что находилась в одной комнате – да что там, в одной кровати! – с этой тварью.

– Чтoб меня... Откуда она взялась? – сдавленно спросила я. Мое сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот вырвется из грудной клетки.

Брессинджер пропустил вопрос мимо ушей. Он схватил свой меч и с такой силой распахнул дверь комнаты, что ручка оставила на стене вмятину.

– Дуба... Куда ты идешь? – окликнула его я, но он уже выскочил за дверь и бросился по коридору. Я обежала изножье кровати и помчалась за ним. – Подожди! – отчаянно крикнула я, не желая оставаться в комнате одна. Брессинджер не стал ждать. Оказавшись у двери Вонвальта, он врезался в нее плечом, распахнул и так ловко взмахнул своим мечом – грозодским, со сложным закрытым эфесом, – что я услышала свист рассекаемого воздуха.

– Там! У сундука! – послышался крик Вонвальта. Я вбежала в его спальню и увидела, что он стоит в оконном проеме в одной ночной рубашке. Он так сильно вжимался в раму, что мог выдавить окно, упасть и разбиться насмерть с тем же успехом, как и погибнуть от укуса змеи. Сама тварь, свернувшаяся у сундука из красного дерева, была примерно два фута в длину, с грязновато-коричневыми отметинами, почти незаметными в тусклом лунном свете. Если бы Брессинджер не отреагировал столь отчаянно и резко, я бы подумала, что она неопасна. Пристав не терял времени и расправился с ней: он пронзил череп змеи острием меча, мгновенно умертвив ее, после чего еще несколько раз рубанул по ней, просто на всякий случай. Затем он поднял глаза на Вонвальта.

– Вас укусили? – спросил Брессинджер и шагнул к нему. – Ну же, говорите! – Его грудь тяжело вздымалась от внезапных, стремительных действий, а глаза были выпучены и полны отчаянной тревоги. Брессинджер редко поддавался панике; теперь же он, казалось, наполовину обезумел от нее.

– Что происходит? – спросила я, переводя взгляд с Вонвальта на Брессинджера и на мертвую змею. – Она ядовитая? Она вас укусила?

– Нет, – сказал Вонвальт, спускаясь с подоконника. Я видела, что он немного смутился из-за того, что запрыгнул на него. – Я в порядке. – Он подошел к мертвой змее и присел рядом с ней.

– Грозодский аспид, – хриплым голосом сказал Брессинджер. Он приподнял тело кончиком меча, показывая едва заметные черные полосы на брюхе змеи. Остальное тело было грязно-коричневым. – Гадюка. В нашей комнате была такая же.

– Значит, она ядовитая? – спросила я.

– Смертельно, – прорычал Брессинджер. Он упер острие меча в половицы и прислонился к стене. – Кровь Немы, да взрослому мужчине стоит лишь оцарапаться о ее клык, и за час его не станет.

– Они мигрируют? – спросил Вонвальт. Он откинул крышку сундука и вытащил свой собственный короткий меч.

Брессинджер не понял вопроса.

– Что? К чему вы это? – выдохнул он.

Вонвальт решительно зашагал к двери.

– Мне кажется маловероятным, чтобы две такие змеи самостоятельно проделали сюда такой путь. – Он кивком указал на окно. – Идемте. Если поторопимся, то еще сможем поймать того, кто их подбросил.

Мы не раздумывая пошли за ним и быстро пересекли дом лорда Саутера. Шум разбудил большую часть слуг, но Вонвальт в своей властной манере велел им вернуться обратно в комнаты. Очень скоро мы оказались на улице, в ледяном холоде Долины Гейл, превращавшем наше дыхание в большие облака пара. В спешке никто из нас и не подумал надеть хоть какую-нибудь подходящую одежду, и лишь из-за накала момента я не дрожала от холода.

– Проклятье, – сказал Брессинджер. – Смотрите. – Он ткнул пальцем, и я, проследив, куда он указывает, увидела темный силуэт, растянувшийся среди растений в садике перед домом Саутера. Даже в темноте было ясно, что это труп. Судя по доспехам и ливрее, это был городской стражник, а темное влажное пятно на булыжной мостовой у ворот подсказало, как он встретил

свою жестокую кончину. Я вспомнила, как этот человек встретил нас, когда мы только прибыли в резиденцию мэра: дружелюбный рядовой, вежливый, озабоченный нашим благополучием. Он погиб лишь потому, что оказался между нами и нападавшим. Понимание этого неожиданно наполнило меня такой печалью, какую не вызывали другие смерти – даже людей, куда более близких мне.

– От крови все еще идет пар, – сказал Брессинджер.

– Значит, его убили лишь несколько минут назад, не больше, – сказал Вонвальт.

– Этого предостаточно, чтобы сбежать.

– Нет, – пробормотал Вонвальт, качая головой. – Он захочет узнать, получилось ли у него убить нас.

Я подняла глаза и окинула взглядом дома, стоявшие напротив резиденции лорда Саутера. Как и дом, из которого мы только что выбежали, они были огромными и дорогими на вид, из дерева и кирпича, и вздымались в небо на два, три и даже четыре этажа. В темноте они казались зловещими, похожими на согбленных спящих великанов.

Юность, проведенная в Мулдау, научила меня виртуозно искать пути к отступлению, и мое внимание сразу же привлекли разновысотные крыши. Глядя на крепкие ползучие растения, увивавшие кирпичные фасады, на выпирающие балки и водостоки, было нетрудно представить, как кто-нибудь легко карабкается на верх дома, чтобы занять точку с хорошим обзором. Это получилось бы у кого угодно, не говоря уже о профессионале. Лишь теперь я осознала, что мы трое были как на ладони.

– Нам стоит найти укрытие, – взволнованно сказала я. Моя оживленность постепенно угасала, и я начинала замерзать.

Вонвальт, как обычно, опередил меня.

– Я его вижу, – пробормотал он, глядя туда, где примерно в пятидесяти ярдах от нас высились две соломенные крыши с перепадом между ними в целый этаж. Из зазора высывался едва различимый силуэт, похожий на голову в капюшоне и плечо. Я вообразила себе, как за нами наблюдает человек, сжимающий в правой руке лук.

– Нам никак его не поймать, – сказал Брессинджер.

– Он не сможет оставаться там вечно, – ответил Вонвальт.

– И каков ваш план?

– Я побегу к нему, – сказал Вонвальт. – Подберусь достаточно близко, чтобы на него подействовал мой Голос.

– Хотите заставить его спрыгнуть с крыши и разбиться? – спросил Брессинджер.

Я с ужасом посмотрела на него. Даже Вонвальт, многое прощавший приставу, посмотрел на того с укором.

– Это было бы преступлением, убийством, – сказал Вонвальт.

– Если вы его поймаете, то все равно повесите, – возразил Брессинджер.

– Твои шутки сейчас неуместны, – сказал Вонвальт. – Прибереги их на потом. Мне бы хотелось привести его с крыши живым. Я хочу узнать, кто отправил его сюда.

– Тогда каков все-таки ваш план? – снова настойчиво спросил Брессинджер.

Вонвальт поморщился.

– Я попытаюсь заставить его побежать. Сейчас комендантский час, так что он не сможет пройти через городские ворота. Я думаю, что он побежит к Гейл. И мы можем подтолкнуть его к этому, на своих условиях.

Брессинджер сделал несколько шумных глубоких вдохов, словно морально готовился к игре в гандбол на сованской арене.

– Тогда давайте поторопимся, – сказал он, – пока мы вконец не окоченели.

– Хелена, – сказал Вонвальт, повернувшись ко мне, – оставайся здесь. Присядь за этой колонной, пока опасность не минует. Нет причин нам всем безрассудно рисковать своими жизнями.

Я отчасти надеялась, что он отправит меня обратно в дом, но не потому, что я боялась. Как бы мне ни хотелось поучаствовать в погоне, я и правда почти ооченела. Однако я просто кивнула.

– Нужно действовать быстро, – сказал Вонвальт, не сводя глаз со своей цели.

– Да, – нетерпеливо буркнул Брессинджер.

– Хорошо, тогда вперед.

Я смотрела, как они вдвоем выскочили из ворот и бросились по улице, словно двое сбегавших заключенных. Я ждала, что один из них вот-вот упадет со стрелой в груди, но силуэт не шевелился. Я нахмурилась. Вцепившись руками в холодную, покрытую инеем кирпичную колонну, я щурилась, пытаясь разглядеть что-либо в тусклом лунном свете. Затем я услышала, как Вонвальт применил Голос Императора.

Даже находясь так далеко, я ощутила его силу. Казалось, что мой череп завибрировал, а в ушах зазвенело, словно кто-то постучал по вилочному камертону и поднес его к моей голове. Я никогда прежде не видела, чтобы Вонвальт вкладывал в Голос столько мощи, – однако силуэт все равно не шелохнулся.

Я резко обернулась. Справа, в конце улицы, из теней выступил человек в капюшоне и плаще. Я вдруг словно оцепенела; человек двигался по темной улице столь ловко и неуловимо, что несколько мгновений мне казалось, будто это и не человек вовсе. Однако затем этот призрак извлек из-под плаща вполне человеческое оружие – маленький арбалет, – и наваждение рассеялось.

– Сэр Конрад! – завопила я. Он и Брессинджер резко обернулись. В холодном ночном воздухе просвистел арбалетный болт, но почему-то – наверное, из-за моего крика – рука убийцы дрогнула, и болт пробил только ночную рубашку Вонвальта.

На один короткий миг все замерли, а затем пришли в движение, словно нами управлял один кукловод. Убийца, упустив свою единственную возможность, развернулся и побежал. Вонвальт, Брессинджер и я бросились за ним.

Оглядываясь назад, я понимаю, что та безрассудная, стремительная погоня по темным улицами Долины Гейл могла закончиться для нас трагедией. Мы трое плохо знали город, на нас не было доспехов, и, соберись убийца с мыслями, он бы сообразил, что преимущество все еще оставалось на его стороне. Возможно, он был напуган или же не хотел приближаться к Вонвальту и попасть под действие Голоса – какой бы ни была причина, он бежал как безумец, и его смекалка испарилась, как капли воды с раскаленной сковороды.

Мы трое выглядели нелепо, мчась по заледенелой булыжной мостовой. Ночная одежда развевалась вокруг нас, как тряпье. Признаю, что, когда непосредственная опасность миновала, погоня показалась мне довольно захватывающей; она напомнила мне мое детство, как я скрывалась от толских стражников с горячей булочкой или кошельком монет, зажатыми в моих чумазых руках.

Вонвальт, как всегда проницательный, оказался прав: его неудавшийся убийца, перед этим придумавший столь изобретательную уловку, побежал к Гейл самым прозаическим путем – через неблагополучную восточную часть города. Здесь, несмотря на холод, воздух был пропитан запахами истоптанной грязи и отбросов, а еще маслянистой рыбной вонью, жирным облаком окутывавшей все вокруг. Она напомнила мне запах, иногда исходивший от Вонвальта, когда тот принимал рыбий жир – бурду, которая, по его собственным заверениям, укрепляла тело и вместе с тем была эффективным средством оттолкнуть от себя собеседников.

– Стоять! – крикнул Вонвальт, но он был еще далеко, его дыхание сбилось, и у него все равно не хватило сил заставить беглеца подчиниться Голосу Императора.

Убийца не остановился. Хотя он и не мог остановиться. Слепо мчался вперед, он недооценил коварство берега реки Гейл. Там, где снег не припорошил его, берег оставался покрыт склизкой слякотью, и беглец, заскользив по крутому склону, рухнул вверх тормашками в ледяную воду.

– Чтоб его, – со страхом пробормотал Брессинджер, наверняка думая, что Вонвальт сейчас прикажет ему попытаться спасти беглеца. Но когда мы втроем наконец добежали до того места, убийцы нигде не было; остались лишь треснувшие пластины тонкого льда и столб пузырей, поднимавшийся из-под черной воды.

– Куда, Казивар его подери, он делся? – задыхаясь, спросила я. Ледяной воздух больно обжигал мне горло.

Несколько мгновений никто ничего не говорил. Мы стояли, и от нас, как от лошадей, пробежавших три круга на скачках, поднимался пар. Мы искали хоть какие-то следы убийцы, но было ясно, что Гейл присвоила нашу добычу себе.

– Он не мог выплыть? – спросила я. Мне казалось невероятным, что кто-то мог войти в реку и просто исчезнуть, даже ни разу не всплыв.

Вонвальт мрачно покачал головой, но ответил мне Брессинджер.

– Холод вышиб бы из его легких весь воздух. – Пристав сплюнул в грязь, затем выгнул спину, потянулся и поморщился, когда его позвоночник несколько раз хрустнул. – Неминовья, как же больно.

– Я не понимаю, – сказала я. – Разве он не мог просто задержать дыхание?

Брессинджер помотал головой.

– Это невозможно, – сказал он. – Сама подумай: ты как залезаешь в холодную ванну?

Я пожала плечами и сказала:

– С большой неохотой?

– Верно, – сказал Брессинджер. – Но, даже если окунаться медленно, иногда у тебя перехватывает дыхание. – Он снова кивком указал на воды Гейл, затянувшие в себя убийцу не хуже любого болота. – А если окунуться вот так, сразу целиком, то ты не сдержишься и вдохнешь поглубже. И без воздуха в легких пойдешь на дно как камень. – Он снова сплюнул, а затем покрутил корпусом из стороны в сторону. – Течение его уже утянуло. Все ж говорят, что это коварная река.

– Ради крови богов, да заткнись ты уже, – пробормотал Вонвальт.

Я подняла на него глаза, но Вонвальт не смотрел на меня. Словно замороженный, он глядел на дыру во льду.

– Сэр Конрад? – мягко позвала я.

Какое-то время помолчав, он вздохнул.

– Дубайн прав, – сказал он и несколько раз прокашлялся. Холодный воздух не пощадил и его горло, как и мое, и Брессинджера, но, в отличие от нас, Вонвальт вдобавок надорвал его Голосом Императора.

Мы еще немного постояли на месте, но скоро снова начали замерзать. Сзади к нам подошли стражники, привлеченные шумом и наверняка отправленные лордом Саутером. Теперь, когда суматоха улеглась, мое настроение резко испортилось – я сообразила, что нас ждет долгая и утомительная ночь, полная объяснений и официальных запросов.

Вонвальт сделал глубокий вдох, а затем медленно выдохнул.

– Вы двое, возвращайтесь в кровать, – сказал он. – С этим я разберусь сам.

* * *

Когда мы с Брессинджером вернулись в резиденцию лорда Саутера, в ней царил хаос. Несмотря на то что Вонвальт, отпустив нас, пытался сделать нам одолжение, в итоге на боль-

шую часть вопросов мэра пришлось отвечать нам. Саутер, похоже, злился из-за поднявшейся суматохи, но я чувствовала, что его раздражение – всего лишь маска, за которой пряталось глубочайшее чувство стыда за то, что его дом чуть не стал местом убийства имперского Правосудия. На самом деле было трудно не заподозрить мэра в причастности, хотя на роль заговорщика он подходил мало. К тому же утром его ждал шквал непростых вопросов от Вонвальта, так что я могла простить его за грубость.

Брессинджер настоял, чтобы мы оставили убитых змей, сказав, что, как и в Грозоде, любой местный аптекарь даст за них приличную сумму. Для меня было загадкой, как нечто столь ядовитое могло обладать хоть какими-то целебными свойствами, однако Брессинджер заверил меня, что в малых дозах гадючий яд был не только отличным противоядием, но и обладал целым рядом лекарственных свойств, проявлявшихся в зависимости от того, как и с чем его смешивали. Он попросил кухарку принести ему большую банку уксуса и поставил свой жуткий трофей на сундук рядом с нашей кроватью. Я позволила ему это сделать только при условии, что он тщательно обыщет нашу спальню и проверит, что в ней не притаились другие змеи, – и, конечно же, он ничего не нашел.

Облака опять затянули небо, и к тому времени, когда в доме снова воцарилось некое подобие тишины и спокойствия, пошел снег. Вонвальт все не возвращался, и я надеялась, что кто-нибудь дал ему плащ. Как выяснилось позднее, он отправился в здание городской стражи, и нам предстояло снова встретиться с ним лишь в середине следующего утра.

Несмотря на наши ночные приключения, Брессинджер уснул невообразимо быстро и вскоре уже храпел рядом со мной. Я же не сомкнула глаз до тех пор, пока на горизонте не начал заниматься серый рассвет. Я никак не могла перестать прокручивать в голове события этой ночи, снова и снова. Кто-то пытался нас *убить*. Лишь по счастливой случайности моя жизнь – по крайней мере, моя земная жизнь – не оборвалась. С тех пор подобное происходило со мной столь часто, что мне трудно вспомнить, какие чувства я тогда испытывала. Однако я помню, как лежала той долгой холодной ночью во тьме, испытывая глубочайшее смятение. Я не знала, на какие дьявольские козни мы наткнулись в Долине Гейл, но то, что кто-то пытался убить Правосудие Императора, означало, что их корни уходили гораздо глубже лежавшего на поверхности убийства жены лорда. И, конечно же, в этом и заключался настоящий источник моего страха: то, что кто-то *вообще* осмелился покуситься на жизнь Правосудия. Это было немыслимо – по крайней мере, раньше, ведь даже отчаявшиеся, обреченные люди не смели нападать на Вонвальта. Многое из того, что я считала непреложным, вдруг оказалось под сомнением. Как я могла спать, когда кто-то подкосил сами основы моего мировоззрения?

Наконец меня одолела дрема, но она была тревожной и поверхностной. Я металась по кровати, словно в бреду, отчего Брессинджер все время раздраженно толкал меня в бок, и мне понадобилось немало времени, чтобы погрузиться в глубокий сон. Город уже начал пробуждаться и готовиться к очередному торговому дню, когда я наконец провалилась в забытие.

Мне снилось, что я тону.

* * *

Следующей день выдался отвратным. Брессинджер и я проснулись из-за грохота, донесшегося снаружи. Все еще полусонные, мы бросились к окну и распахнули занавески. Небо снаружи было тусклым и серым, но свет все равно обжег мне глаза; я отшатнулась, как от удара, и осознала, что мы проспали до середины утра. На улице, сразу за палисадником перед домом лорда Саутера, стоял отряд городской стражи; еще два стражника, без мечей и доспехов, стояли на крыше дома, где мы прошлой ночью видели человеческий силуэт.

– Вот же сукин сын, – сказал Брессинджер, кивком указав на то, что стало причиной такого грохота. Когда стражники разошлись в стороны, я увидела, что они сбросили с крыши грубое деревянное пугало, завернутое в драный плащ.

Я окинула взглядом сад, но, конечно же, тело убитого стражника уже унесли. Скорее всего, теперь он занимал стол в морге мистера Макуиринка. Когда в город приходил Вонвальт, врачи редко оставались без дела, но в Долине Гейл они, похоже, успеют заработать целое состояние.

Я гадала, как отреагировал на эти вести сэр Радомир. Хватило бы всего одной или двух неурядиц, чтобы его отношения с Вонвальтом разладились окончательно; и хотя эти двое пусть неохотно, но все же прониклись друг к другу взаимным уважением, мне казалось, что шериф не из тех людей, кто сдержанно отнесся бы к вести о гибели своего подчиненного.

Брессинджер и я поспешно оделись. Вонвальта в его спальне не оказалось, и мы вышли из резиденции мэра, чтобы справиться о нем у собравшихся снаружи стражников. Они сообщили нам, что Вонвальт большую часть ночи провел с сэром Радомиром, однако сейчас уже вернулся в восточную часть города. Завернувшись в плащи и склонив головы навстречу холодному ветру и крупницам мокрого снега, мы направились по тому же пути, что проделали ночью.

Вонвальт стоял на берегу Гейл с еще одним отрядом стражников. Выглядели те довольно жалко. Волосы Вонвальта намокли и слиплись. Должно быть, он уже побывал в доме мэра, поскольку был облачен в свои лучшие имперские одежды, но вонючая жижа уже заляпала его сапоги и подол плаща. Даже издавек вид у него был изнуренный. Бледный, с осунувшимися чертами лица, он выглядел очень уставшим. После бессонных ночей Вонвальт всегда пребывал в дурном расположении духа, и я поняла, что проведу большую часть дня, пытаясь не попасться ему под руку.

Когда Брессинджер и я подошли, мы увидели рыбаков в высоких шипованных забродных сапогах. Они вытаскивали на берег маленькую гребную лодку – по-видимому, в ней и собирався бежать наш убийца. Один городской стражник изо всех сил старался разогнать толпу зевак, собравшихся рядом, несмотря на погоду, но слухи о втором убийстве уже начали расходиться.

– Надеюсь, вы оба отдохнули? – спросил нас Вонвальт, когда мы подошли ближе. Он не сводил глаз с лодки.

– Да, – сказал Брессинджер. – Мы видели приманку с крыши.

Вонвальт хмыкнул.

– Жалкая уловка.

– Вас из-за нее чуть не пришили, – заметил Брессинджер, кивком указав на ребра Вонвальта, где арбалетный болт прорвал его ночную рубашку.

– Можно было и не напоминать, – сказал Вонвальт. Настроение у него было еще хуже, чем я ожидала. Он указал на гребную лодку. – Будем надеяться, что хотя бы здесь мы что-нибудь найдем. Местные эксперты... – он поморщился и указал на толпу горожан, – ...сообщили мне, что надежды выловить тело у нас нет.

– То, что река выбросила тело леди Бауэр, уже было чудом, так все говорят, – сказал Брессинджер. Я скосила на него глаза, дивясь тому, насколько он не замечал дурного настроения своего хозяина. Или, возможно, ему было просто все равно. Как бы там ни было, Вонвальта прервали еще до того, как он ответил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.